

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

№ 4 / 2016

Журнал издается совместно с Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗДАНИЕ. Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС77-30776 от 25 декабря 2007 г. Издается с 1998 г., выходит 2 раза в месяц

Главный редактор:

Исаев И.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

Аронов Д.В., д.и.н., профессор

Бабич И.Л., д.и.н.

Луковская Д.И., д.ю.н., профессор

Мигущенко О.Н., д.ю.н., профессор

Нигматуллин Р.В., д.ю.н., профессор

Нижник Н.С., д.ю.н., профессор

Покровский И.Ф., д.ю.н., профессор

Рассказов Л.П., д.ю.н., д.и.н., профессор

Ромашов Р.А., д.ю.н., профессор

Сафонов В.Е., д.ю.н., профессор

Туманова А.С., д.ю.н., д.и.н., профессор

Хабидулин А.Г., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Бодунова О.Г., к.ю.н., доцент

Зенин С.С., к.ю.н.

Клименко А.И., к.ю.н., доцент

Недобежкин С.В., к.ю.н., доцент

Сигалов К.Е., д.ю.н., к.ф.н., доцент

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»

Гриб В.В., д.ю.н., профессор

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И.,

Белых В.С.,

Ренов Э.Н.,

Платонова О.Ф.,

Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование

и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции (495) 953-91-08

Плата с авторов за публикацию

статей не взимается.

Территория, государство, закон

- Сюбарева И.Ф.** Становление и развитие Калининградской области в послевоенный период 3
- Танпасханова И.Б.** Аграрно-земельные преобразования барона П.Н. Врангеля на Белом юге России: историко-правовой аспект 6
- Гуляков А.Д., Саломатин А.Ю.** Элементы федерализма в доиндустриальных государствах (сравнительно-государствоведческий очерк) 10
- Ибрагимов Ж.И.** Некоторые принципы рассмотрения споров в обычном праве казахов 16
- Трифонов В.А.** К вопросу о периодизации законодательства, регулирующего доступ к государственной службе в Российском государстве 21
- Полдников Д.Ю.** Концепции европейской истории права и методология историко-правовых исследований в начале XXI в. 27
- ### Свобода совести: государство и церковь
- Федоров А.Н.** Характерные черты средневекового права Западной Европы 33
- Мордовцева Т.В.** Свобода выбора и злоупотребление правом (на примере свободы совести и вероисповедания в современной России) 38
- Кузнецов А.О.** Проблемы антиклерикализма (на примере правового механизма отделения церкви от государства) 43
- Корнев В.А.** Исторический очерк развития церковно-государственных отношений в России до начала XX века 47
- Мухаммадеева Л.А.** Реформа образования 1918 г.: регулирование вероучения на примере Казанской кряшенской семинарии 51
- Аль-Бусаиди Яхья Якуб Саид.** Особенности соблюдения прав человека в арабском мире 55
- Якушев В.А.** Миф и реальность: правовое регулирование материального обеспечения жителей в древнерусском государстве и Руси в период удельной раздробленности 59

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва,

Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7

E-mail: avtor@lavininfo.ru

Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88 (многоканальный)

Формат 170x252 мм. Печать офсетная.

Бумага офсетная № 1.

Физ. печ. л. — 5,0. Усл. печ. л. — 5,0.

Номер подписан в печать 14.01.2016 г.

Номер вышел в свет: 18.02.2016 г.

Тираж 3000 экз. Цена свободная.

Подписной индекс: Почта России — 10866;

«Объединенный каталог» — 85492 (на полуг.);

Также можно подписаться на www.gazety.ru

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2

Тел. (4842) 70-03-37

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного цитирования

(РИНЦ)

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук.

Учредитель:

Издательская группа «Юрист»

HISTORY OF STATE AND LAW

№ 4 / 2016

Published in association with O.E. Kutafin Moscow State Law University

RESEARCH AND LAW JOURNAL. The Federal Service for Supervision in the Sphere of Mass Communication, Communications and Protection of Cultural Heritage.

Reg. Pl № ФС77-30776 from December 25, 2007. Published since 1998, 2 times per month

Editor in Chief:

Isaev I.A., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Board:

Aronov D.V., doctor of historical sciences, professor;
Babich I.L., doctor of historical sciences;
Lukovskaya D.I., doctor of juridical sciences, professor;
Migushhenko O.N., doctor of juridical sciences, professor;
Nigmatullin R.V., doctor of juridical sciences, professor;
Nizhnik N.S., doctor of juridical sciences, professor;
Pokrovskij I.F., doctor of juridical sciences, professor;
Rasskazov L.P., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Romashov R.A., doctor of juridical sciences, professor;
Safonov V.E., doctor of juridical sciences, professor;
Tumanova A.S., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences; professor;
Khabibulin A.G., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Staff:

Bodunova O.G., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Zenin S.S., candidate of juridical sciences;
Klimenko A.I., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Nedobezhkin S.V., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Sigalov K.E., doctor of juridical sciences,
candidate of sciences in philosophy, assistant professor

Editor in Chief of Publishing Group "JURIST":

Grib V.V., doctor of juridical sciences, professor

Deputy Editors in Chief

of Publishing Group "JURIST":

Babkin A.I.,
Belykh V.S.,
Renov E.N.,
Platonova O.F.,
Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., candidate of jurisprudence
Tel.: (495) 953-91-08

Authors shall not pay

for publication of their articles.

Territory, State, Law

- Syubareva I.F.* Formation and Development of the Kaliningrad Region during the Post-War Period.....3
Tappaskhanova I.B. Agrarian Land Reforms of Baron P.N. Wrangel in the White South of Russia: Historical and Legal Aspect 6
Gulyakov A.D., Salomatin A.Yu. Elements of Federalism in Pre-industrial States (Comparative Political Essay)..... 10
Ibragimov Zh.I. Several Adjudication Principles in the Common Law of Kazakhs 16
Trifonov V.A. Revisiting Periodization of the Legislation governing Access to the Public Service in the Russian State 21
Poldnikov D.Yu. Concepts of the European History of Law and Methodology of Historical and Legal Studies at the Early 21st Century 27

Freedom of Conscience: The State and Church

- Fedorov A.N.* Characteristic Features of the Medieval Law of the Western Europe.....33
Mordovtseva T.V. Freedom of Choice and Abusing the Right (by example of the Freedom of Conscience and Religion in the Modern Russia) 38
Kuznetsov A.O. Issues of Anticlericalism (by example of the Legal Mechanism of Church and State Separation) 43
Kornev V.A. A Brief History of Development of the State and Church Relations in Russia prior to the Beginning of the 20th Century.....47
Mukhamadeeva L.A. Reform of Education in 1918: Regulation of Dogma by example of the Kazan Kryashen Seminary 51
Al-Busaidi Yakhya Yakub Said. Specifics of Human Rights Observance in the Arabian World.....55
Yakushev V.A. Myth and Reality: Legal Regulation of Material Security of Inhabitants in the Old Russian State and Russia during the Apanage Disunity Period.....59

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55 Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035
E-mail: avtor@lawinfo.ru
Editorial Subscription Centre: (495) 617-18-88
(multichannel)
Size 170x252 mm. Offset printing.
Offset paper № 1.
Printer's sheet — 5,0.
Conventional printed sheet — 5,0.
Passed for printing 14.01.2016.
Issue was published: 18.02.2016.

Circulation 3000 copies.

Free market price.

Subscription:

Russian Post — 10866;
«United Catalogue» — 85492 (for 6 months).
and on www.gazety.ru
Printed by "National Polygraphic Group".
Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031
Tel.: (4842) 70-03-37

Journal is included in the database
of the Russian Science Citation Index

Complete or partial reproduction of materials without
prior written permission of authors or the Editorial
Office shall be prosecuted in accordance with law.

Recommended by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science of the Russian
Federation for publication of basic results
of candidate and doctor theses.

Founder:
Publishing Group "JURIST"

Становление и развитие Калининградской области в послевоенный период

*Сюбарева Ирина Федоровна,
профессор кафедры предпринимательского права
Юридического института Федерального государственного
автономного образовательного учреждения
«Балтийский федеральный университет им. И. Канта»,
доктор педагогических наук, кандидат юридических наук
ISyubareva@kantiana.ru*

В статье рассматривается вопрос организационного оформления и становления Калининградской области в послевоенный период, исследуются правовые акты, сыгравшие прогрессивную роль в становлении области, подчеркивается роль Калининградской области в истории России.

Ключевые слова: законодательство, Калининградская область, история региона, становление и развитие.

Formation and Development of the Kaliningrad Region during the Post-War Period

*Syubareva Irina F,
Professor of the Entrepreneurial Law Department of Law Institute of Federal State Autonomous Educational
Institution of Higher Professional Education "I. Kant Baltic Federal University",
Doctor of Pedagogy, Candidate of Legal Sciences*

The article reviews matters of organizational legalization and formation of Kaliningrad region in the post-war period and analyzes legal acts contributed progressively to the rise and development of the region. Furthermore, it makes an emphasis on the role of Kaliningrad region in the history of Russia.

Key words: legislation, Kaliningrad region, history of the region, rise and development.

Обращение к истории становления Калининградской области — это дань памяти и уважения к героическому прошлому российских людей, признание их заслуг в историческом процессе. Сегодня строятся «мосты памяти» из прошлого в настоящее, без которых невозможна жизнь в будущем.

Обращение к истории становления Калининградской области — это урок молодому поколению, которому принадлежит будущее. В современный период сложных социально-экономических преобразований, значительно изменяющих социокультурную жизнь, меняются ценностные ориентиры молодого поколения. Важно, чтобы они сохранили в памяти подвиг русского народа, воспитали в себе чувство гордости за поколение, которое в сложный послевоенный период смогло выстоять и проложить дорогу к сегодняшнему дню.

В статье покажем, как возникла и оформилась Калининградская область на территории бывшей Восточной Пруссии: назовем основные законодательные акты, сыгравшие важную роль в становлении и регулировании общественных отношений, подчеркнем сложные условия послевоенного периода, в которых

происходило становление области, проследим, как история самой молодой области становилась частью российской истории, укажем на роль Калининградской области для России в советский и постсоветский периоды.

Калининградская область была образована в составе РСФСР на одной трети территории Восточной Пруссии, переставшей существовать в 1945 г. Потсдамская конференция признала необходимым исключить Восточную Пруссию из состава Германии и передать ее территорию Польше и СССР. 7 апреля 1946 года Президиумом Верховного Совета СССР был издан Указ об образовании на территории г. Кенигсберга и прилегающего к нему района Кенигсбергской области и о включении ее в состав РСФСР [1, с. 34]. 4 июля того же года Кенигсбергская область была переименована в Калининградскую. Таким образом, появление новой области на самом западе страны было закономерным явлением послевоенной истории.

Сделаем небольшое отступление и скажем, что с точки зрения организации и налаживания жизнеобеспечения на территории будущей Калининградской области важен период с апреля 1945 г., когда закончились кровопролитные

бои за взятие Кенигсберга, по апрель 1946 г., когда был принят Указ о создании области. Так, после взятия Кенигсберга Красной Армией в апреле 1945 г. первыми советскими органами власти были военные комендатуры [2, с. 39]. Решением Военного совета 3-го Белорусского фронта 7 апреля была образована комендатура Кенигсберга, которая вместе с районными комендатурами «должна была следить за соблюдением военными дисциплины, пресекать случаи мародерства; организовывать охрану военных и важных гражданских объектов; осуществлять регистрацию всех советских военнослужащих; проводить учет местного населения и привлекать его к работе; пресекать враждебные выступления» [2, с. 40]. При комендатуре Кенигсберга для управления местным немецким населением и решения текущих хозяйственных вопросов Военный совет 3-го Белорусского фронта 10 мая 1945 г. постановил образовать временное управление по гражданским делам, в состав которого входили «отделы административный, паспортный, местной промышленности, торговли, коммунально-бытовой и здравоохранения» [2, с. 40]. Временное управление по гражданским делам было сформировано уже к 26 мая 1945 г. и просуществовало относительно недолго — до ноября того же года. Постановлением Военного совета Особого военного округа от 19 ноября 1945 г. военные гражданские управления при комендатуре Кенигсберга и районных военных комендатурах ликвидировались, и к 25 ноября было создано Временное гражданское управление при Военном совете Особого военного округа с дислокацией в Кенигсберге [2, с. 40]. Созданные органы решали широкий круг задач: разминировали различные объекты, восстанавливали здания, дороги и мосты, линии связи, системы жизнеобеспечения, осуществляли учет имущества, занимались проблемами восстановления промышленных предприятий, организовывали сельскохозяйственные работы, уделяли внимание проблемам здравоохранения, решали производственные проблемы, осуществляли учет местного населения и выдавали продукты питания. Питанием обеспечивались личный состав комендатур, репатриированные советские граждане, местное население и военнопленные. Немецкое трудоспособное население привлекалось к хозяйственным работам в Кенигсберге и было занято на промышленных предприятиях. Городская торговая сеть еще не была сформирована, и на территории были открыты частные магазины. Роль и значение всех названных органов (комендатуры и ее подразделений, военных гражданских управлений при комендатуре Ке-

нигсберга и районных военных комендатурах, Временного гражданского управления при Военном совете Особого военного округа) важны и существенны: они наладили и поддерживали порядок, жизнеобеспечение гражданского населения в послевоенном городе, осуществили первые восстановительные работы.

Калининградская область была самой молодой областью послевоенного периода. 4 июля 1946 г. Совет Министров СССР принял постановление «Об административном устройстве города Кенигсберга и прилегающего к нему района», в соответствии с которым создавались областное управление по гражданским делам, а также городские и районные управления. В это же время создавались правоохранительные органы, партийные и массовые общественные организации, начинали свою деятельность коллегия адвокатов, юридические консультации, областной суд, который был создан Указом Президиума Верховного Совета РСФСР 21 июля 1946 г. [3, с. 487].

Важную роль сыграли принятые в июле 1946 г. Советом Министров Союза ССР два важнейших документа: постановление № 12968 от 21 июля 1946 г. «О мероприятиях по хозяйственному устройству Кенигсбергской области» и постановление № 1522 от 9 июля 1946 года «О первоочередных мероприятиях по заселению районов и развитию сельского хозяйства Калининградской области» [3, с. 487]. В первом документе содержалась программа экономического становления и развития новой области, отражались основные направления по устройству области, определялись источники финансирования мероприятий, устанавливалась ответственность за неисполнение решений. Вторым документом определялись мероприятия по заселению территории, предусматривалось добровольное переселение семей колхозников из различных областей и республик РСФСР с учетом выплат пособий и предоставления льгот. Среди жителей РСФСР осуществлялась вербовка переселенцев, массовый заезд которых начался летом 1946 г.

В период организационного оформления области были заложены основы системы народного образования. 17 июля 1945 г. генерал-полковник К.Н. Галицкий подписал приказ «Об открытии школ для детей военнослужащих Кенигсбергского гарнизона». 15 сентября 1945 г. была открыта первая в области школа с контингентом учащихся 126 человек (из них 30 сынов полка). Руководил школой армейский офицер. При областном гражданском управлении был создан отдел народного образования, начали формироваться руководящие органы.

В декабре 1945 г. был укомплектован аппарат ОБЛОНО, весной 1946 г. были созданы руководящие органы; система рай(гор)оно в соответствии с административным делением. Учителями были жены офицеров, демобилизованные воины, специальные кадры, направленные Министерством просвещения РСФСР [4]. В 1948 г. по инициативе и ходатайству областного комитета ВКП(б) и облисполкома, ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР постановили организовать в г. Калининграде Государственный педагогический институт — первое высшее учебное заведение области.

В этот же период решалась проблема с немецкими детьми. В данный период на территории области находилось большое количество немецких детей. Данные о количестве детей разнятся в различных источниках: так, в книгах советского периода, когда многие архивные источники были закрыты, речь идет о 5 тысячах [5, с. 90]; в архивных документах, которые стали доступны в постсоветский период, — о 35 тысячах [6]. Беспзорные дети находились под опекой военных комендатур. Летом 1945 г. для них были открыты первые временные приюты и детские дома. В начале 1946 г. было открыто 16 временных детских домов во всех районах, куда были устроены почти 1400 немецких детей [7].

Этап становления Калининградской области характеризуется стремительностью и динамизмом развития, а также сопряженностью с огромными трудностями, связанными с послевоенной жизнью. В очень короткий срок были потрачены огромные силы и средства на восстановление хозяйства, обустройство постоянно прибывающих семей переселенцев, решены проблемы, связанные с находящимся на данной территории немецким населением.

В советский период Калининградская область являлась территорией СССР и была отделена от центра территориями Литвы, Латвии и Белоруссии, т.е. территориями союзных республик. В постсоветский период с распадом СССР и изменением геополитической обстановки Калининградская область оказалась отделенной от России территориями других суверенных государств. Так она стала своеобразным субъектом. С одной стороны, вследствие географического положения она превратилась в российский эксклав на Балтике; вследствие пространственной изоляции от основной территории страны усложнились связи с другими регионами России. С другой стороны, появились возможности более тесного сотрудничества с зарубежными, прежде всего европейскими, странами.

В дальнейшем исследователи выделяли уже несколько «переселенческих волн»: переселенцы первых послевоенных десятилетий, переселенцы 1970-х — 1980-х годов и переселенцы 1990-х годов [8, с. 168]. Каждая из этих «волн» имела свои собственные характеристики. В современный период особую группу составляют потомки переселенцев. Люди, приехавшие в Калининградскую область почти из всех республик Советского Союза и бывшего Советского Союза, имели свои стереотипы поведения, обычаи и обряды, свои привычки, свой культурный опыт и традиции. Постепенно формировалась среда, где происходило переплетение культурных традиций и появлялись их новые черты, формировался менталитет жителей эксклавно-го региона России. Постепенно в Калининградской области выросли поколения новых жителей, впитывающих культурные достижения соседних стран и народов, а также с интересом и уважением относящихся к историческому прошлому своей земли.

Ни Великая Отечественная война, ни «закрытость» области в советский период не смогли уничтожить существовавший огромный пласт немецкой культуры: отдельные элементы культурного ландшафта, стены Кафедрального собора (XIV в.), мавзолей И. Канта, старый университетский ботанический сад и многое другое. Был отреставрирован и превратился в культурный центр Кафедральный собор: здесь проходят лекции и концерты, действуют музеи, ведется культурно-просветительская работа. Особое место в культурной жизни города занимает и Органный зал филармонии — восстановленный католический костел. Памятники, принадлежавшие немецкой культуре, были восстановлены русскими мастерами, они имеют измененный интерьер и вписаны в другой культурный ландшафт.

Сегодня Калининградская область воспринимается как связующий мост между Востоком и Западом, где происходило и происходит соединение культур, политических и экономических интересов. В настоящее время Калининградская область стала одним из важных центров международных контактов, объектом разработки различных программ и проектов с участием российских и западных экспертов. Калининградская область включена в хозяйственные контракты с Германией, Швецией, Данией, Польшей, Литвой и другими государствами.

В заключение отметим, что становление и развитие Калининградской области имеет свои тенденции и региональную специфику, связанную с историческим прошлым территории и особым географическим положением. Для ее

становления характерны стремительность и динамизм развития, что обусловлено историческим прошлым края и связано с созданием (организацией) области сразу же после Великой Отечественной войны. Подчеркнем роль правовых актов, сыгравших прогрессивную роль в становлении области. Обращение к истории Калининградской области позволяет проследить ее становление в сложных послевоенных условиях, увидеть заботу о людях со стороны государства, интернациональный и гуманистический характер воспитания детей. Калининградская область имеет свой собственный путь развития, ее история относительно коротка. Тем не менее подчеркнем закономерность появления новой области, ее включенность в общий исторический процесс; связь истории области с российской историей в советский, постсоветский и современный периоды.

Литература

1. Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1975. Т. 1. М., 1975.
2. Маслов В.Н. Военные комендатуры — первые советские органы власти в Кенигсберге // Кенигсберг — Калининград: город, история : сборник научных статей / отв. ред. В.Н. Маслов. Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. С. 39–50.
3. Восточная Пруссия: С древнейших времен до конца второй мировой войны: Исторические очерки, документы, материалы / [В.И. Гальцов, В.С. Исупов, В.И. Кулаков и др.]; Комитет по делам архивов; Администрация Калининградской обл.; Обл. гос. архивов. КГУ. Калининград, 1996.
4. Государственный архив Калининградской области. Ф. Р-462. Отдел народного образования Калининградского Облисполкома. Оп. 2. 1945–1953. Д. 4.
5. История края (1945–1950) : учеб. пособие / под ред. В.Г. Бирковского. Калининград, 1984.
6. Государственный архив Калининградской области. Ф. Р-462. Отдел народного образования Калининградского Облисполкома. Оп. 2. 1945–1953.
7. Государственный архив Калининградской области. Ф. Р-462. Отдел народного образования Калининградского Облисполкома. Оп. 2. 1945–1953. Д. 7. Л. 5.
8. Клемешев А.П., Козлов С.Д., Федоров Г.М. Особая территория России : монография. Калининград, 2003. 360 с.

Аграрно-земельные преобразования барона П.Н. Врангеля на Белом юге России: историко-правовой аспект

*Таппасханова Ирина Байдулаховна,
аспирант кафедры истории государства и права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
irina_pfr07@mail.ru*

В статье проанализированы аграрно-земельные преобразования П.Н. Врангеля на территории Белого юга России. Представлен анализ научных позиций А.В. Ломкина, П.С. Махрова, Н.В. Савича по вопросу личного мнения П.Н. Врангеля относительно предложенного и утвержденного проекта Закона о земле.

Ключевые слова: аграрный вопрос, аграрно-земельные преобразования, земельная комиссия, разработка аграрного законодательства.

Agrarian Land Reforms of Baron P.N. Wrangel in the White South of Russia: Historical and Legal Aspect

*Tappaskhanova Irina B.,
Postgraduate Student of the State and Law History Department
at Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*

The article examines the legal substance of Baron Pyotr Nikolayevich Wrangel's agro-demesnial reforms in the White South of Russia and introduces the review of scholarly opinions by Alexander Lomkin,

Peter Makhrov and Nikanor Savich on Pyotr Wrangel's personal viewpoint regarding the proposed and enacted draft Land Law.

Key words: agrarian issue, agro-demesnial reforms, Land Commission, development of the agrarian legislature.

Барон П.Н. Врангель приступил к командованию в марте 1920 г. по приказу А.И. Деникина № 2899¹. Являясь последним главнокомандующим Белого движения, он получил антибольшевистскую власть на Юге России в результате поражений генерала А.И. Деникина.

П.Н. Врангель приступил к командованию без условностей о созыве Национального Учредительного Собрания. Одновременно он поручил Управлению земледелия и землеустройства, руководство которым осуществлял Г.В. Глинка, разработку нового законодательства об аграрно-земельных вопросах². Представленное поручение и содержащиеся в нем принципы были восприняты как правила и были положены в основу работы над аграрно-земельным законодательством, разработку которого вела Главная земельная комиссия. Данная комиссия предложила три основных начала реформы аграрного законодательства:

1) земля, пригодная к использованию и обработке, должна быть использована в полном объеме и надлежащим образом;

2) на праве частной собственности владеть землей могут лица, которые применяют свой труд для ее обработки;

3) исключительно государство может быть посредником между мелкими и крупными землевладельцами.

Земельная комиссия во второй половине мая 1920 г. представила к утверждению Советом при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России П.Н. Врангеле пакет проектов законов по аграрно-земельной реформе, который получил общее название «Закон о земле» и ввиду отсутствия достаточного времени для доработки был утвержден.

Отметим, что вопреки мнениям А.В. Кривошеина (помощник П.Н. Врангеля) и П.Н. Шатилова (главнокомандующий генерального штаба), П.Н. Врангель удовлетворен работой Комиссии не был.

Так, П.С. Махров указал на то, что генерала П.Н. Врангеля не устроило то обстоятельство,

что Комиссия предложила проведение основных мероприятий реформы отложить до весны 1921 г.³

В работах Н.В. Савича в поддержку генерала П.Н. Врангеля приводится мнение председателя Таврической губернской земской управы В.А. Оболенского, который также считал, что проведение реформы аграрного законодательства откладывать нельзя, так как это могло повлиять на утрату доверия со стороны крестьян⁴.

А.В. Ломкин указал на несогласие П.Н. Врангеля с равнодушием в отношении значительных размеров наделов земель, переходящих в пользование помещиков, что могло вызвать недовольство народа и означать восстановление помещичьего землевладения⁵.

Сам П.Н. Врангель писал, что предложенный проект Закона о земле был явно недоработан, особенно в части вопроса аренды земель умерших и не вернувшихся с фронтов войны⁶.

Однако высказанное генералом П.Н. Врангелем мнение относительно работы Комиссии не помешало ему 25 мая 1920 г. соответствующим приказом утвердить следующий перечень нормативных актов⁷.

1. Приказ о земле, который утверждал принятые нормативные правовые акты аграрно-земельного характера и указывал на их введение с 25 мая 1920 г. в действие.

2. Правительственное сообщение по земельному вопросу, которое установило основу передачи земельной собственности крестьянам, засеявшим ее. Оно предполагало

³ Махров П.С. В Белой армии генерала Деникина. М.: Logos, 1994. С. 293.

⁴ Савич Н.В. Воспоминания. СПб.: Logos, 1993. С. 377.

⁵ Ломкин А.В. Экономическая политика Белого движения на Юге России и в Сибири: дис. ... канд. экон. наук. М., 1997. С. 32.

⁶ Врангель П.Н. Воспоминания. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1969. Т. 2. С. 55.

⁷ См.: Материалы Управления земледелия и землеустройства Особого Совещания при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России за 1919–1920 гг. (г. Екатеринодар, г. Севастополь) // ГА РФ. Ф. Р-355. Оп. 1. 58 ед. хр.; Приказ Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России «О земле» от 20 мая 1920 г. со всеми дополнениями. Константинополь, 1920.

¹ Приказ генерала А.И. Деникина от 22 марта 1920 г. № 2899 о передаче командования барону П.Н. Врангелю // ГА РФ. Ф. 5872. Оп. 1. Д. 105. Л. 19.

² Врангель П.Н. Письмо на имя начальника Гражданского управления Г.В. Глинки // Нива. 1915. № 42. С. 781.

создание в деревне жесткого земельного порядка, чтобы «трудящийся на земле хозяин не страдал от посягательства в настоящем и от неопределенности в будущем»⁸.

3. Правила о передаче распоряжением Правительства казенных, Государственного земельного банка и частновладельческих земель сельскохозяйственного пользования в собственность обрабатывающих землю хозяев, являющиеся основным актом в аграрной реформе, признавали владельцами (хозяевами) земель тех, кто их обрабатывал. В этом акте нашел отражение принцип государственной охраны земельной собственности от любого захвата и возможного насилия: он содержал прямое указание на охрану властью владения землей сельскохозяйственного назначения без привязки к основаниям возникновения права их использования.

Названные Правила также реализовывали принцип платности использования земель, поскольку они устанавливали государственный сбор за землю в отношении новых владельцев. При этом помещик и крестьянин на консенсуальных и добровольных началах могли заключить договор об отчуждении земли, для чего необходимо было получить разрешение волостных и уездных Земельных советов.

Правила устанавливали, что у помещиков отчуждалась часть, а не вся земля. Имела место часть земли, остававшаяся у помещика, размер которой определялся местными земельными органами, утверждался органами центральной власти и дифференцировался в зависимости от самой местности.

Правила устанавливали исключения, в силу которых не подлежали отчуждению следующие земли:

— находящиеся к моменту начала реформы во владении крестьян наделные, приобретенные при содействии Крестьянского поземельного банка земли, хутора и отруба;

— принадлежавшие ученым, учебным и сельскохозяйственным опытным учреждениям;

— церковные, монастырские, вакуфные земли;

— находящиеся под мельницами, фабриками, заводами;

— занятые ценными сельскохозяйственными культурами и др.

Стоимость земель, переходящих в порядке отчуждения, определялась в натуральной

форме волостными Земельными советами посредством оценки сведений об урожае за последние 10 лет. Так, устанавливался средний для волости или уезда размер сбора урожая с одной государственной десятины земли, его умножали на пять. Полученная сумма в пудах являлась стоимостью выкупа земли. Для непосредственного выкупа земли устанавливалась рассрочка на двадцать пять лет при условии, что хозяин будет вносить за каждую десятину 1/5 часть полученного с нее урожая. Подобный выкуп мог заменяться с натуральной формы на денежную путем определения средней рыночной стоимости на сельскохозяйственную культуру.

Правила гарантировали некоторые льготы, с помощью которых лица, участвующие в войне на стороне белой власти, при содействии земельных органов (это было их обязанностью) получали соответствующие земли для их обработки и сбора урожая.

4. Временное положение о земельных учреждениях, которыми на один год (это и обосновывало назначение акта как временного) на местах для реализации аграрной реформы были введены специальные Земельные советы (волостные и уездные), а также вспомогательные должности — должности губернских посредников и их помощников по земельным делам (п. 1 настоящего акта).

Данное Положение в п. 2 устанавливало особую процедуру избрания волостных Земельных советов, в состав которых могли войти лица не моложе двадцати пяти лет.

В п. 3 устанавливался перечень лиц, которые не могли участвовать в данных выборах (дезертиры и уклоняющиеся от воинской повинности; лица, состоявшие под судом за преступные деяния, влекущие за собой лишение или ограничение прав состояния, либо исключение из службы, а равно за кражу, мошенничество, присвоение вверенного имущества, укрывательство похищенного, покупку и принятие в заклад заведомо краденного или полученного через обман имущества и ростовщичество, если они судебными приговорами не оправданы; лица, отрешенные по судебным приговорам от должности, в течение трех лет со времени отрешения; лица, состоящие под следствием или судом по обвинению в преступных деяниях, влекущих за собой лишение или ограничение прав состояния либо исключение из службы, а равно за кражу, мошенничество, присвоение вверенного имущества, укрывательство похищенного, покупку и принятие в заклад заведомо краденного или полученного через обман имущества и ростовщи-

⁸ Приказ Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России «О земле» от 20 мая 1920 г. со всеми дополнениями. Константинополь, 1920. С. 4.

чество, если они судебными приговорами не оправданы; члены земельных коммун).

Обратим внимание, что полномочия Волостных земельных советов Временное положение не перечисляло. Оно содержало в п. 9 отсылочную норму, в соответствии с которой правомочия Волостных земельных советов определялись рассмотренными выше Правилами о передаче распоряжением Правительства казенных, Государственного земельного банка и частновладельческих земель сельскохозяйственного пользования в собственность обрабатывающих землю хозяев.

Так, ст. 11 названных Правил к предметам ведения отнесла следующее:

- определение количества и размеров угодий, находящихся в пользовании хозяев и их прежних владельцев;

- составление описи имений и перечня хозяйств, обрабатывающих земли хозяев и прежних владельцев;

- установление оснований владения соответствующих хозяйств землями;

- выявление количества земель, находящихся у лиц сверх определенной нормы наделных или купленных угодий;

- определение списка владельцев, за которыми могут быть закреплены земли в порядке добровольного соглашения об их купле-продаже;

- выявление количества земель, находящихся в постоянном использовании у арендаторов;

- установление количества и размеров угодий, которые подлежали возврату или сохранению за собственником как неотчуждаемые.

В свою очередь п. 12 Временного положения о земельных учреждениях определял, что на Уездные земельные советы были возложены следующие полномочия:

- содействие успешному выполнению Волостными земельными советами возложенных на них обязанностей и наблюдение за тем, чтобы при осуществлении земельных мероприятий на местах соблюдались постановления и распоряжения Правительства;

- разрешение жалоб на постановления и распоряжения Волостных земельных советов и на действия по земельным делам отдельных должностных лиц;

- распределение между Волостными земельными советами откомандированных для содействия им Управлением земледелия и землеустройства землеустроителей, землемеров, иных техников и др.

Анализ перечисленных нормативных правовых актов позволяет утверждать, что Правительство генерала П.Н. Врангеля при проведе-

нии реформы аграрного законодательства не разрешило вопрос о правах частной собственности на недра. При этом рассмотренная выше совокупность документов дополнялась следующими актами Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России П.Н. Врангеля⁹:

- 26 июня 1920 г. — Приказ № 3367, которым совершенствовались вопросы аренды земель в Таврии, условия их выкупа;

- 21 августа 1920 г. — Приказ № 123, которым было подтверждено, что дезертиры не обладали правом собственности на землю;

- 3 октября 1920 г.: Приказ № 162, которым было подтверждено, что земли и иные угодья, приобретенные частными лицами при содействии Крестьянского банка, имели статус неотчуждаемых.

Резюмируя изложенное, обозначим следующие выводы.

1. Выработанная генералом П.Н. Врангелем модель юридического разрешения аграрного вопроса законодательно легализовала захваты земель. Это в корне противоречило основам дореволюционного урегулирования отношений земельной собственности.

2. Аграрное законодательство генерала П.Н. Врангеля имело вектор на юридическое устранение классовой дифференциации, что подтверждалось возможностью самого бедного крестьянства рассчитывать на получение во владение земель из специально сформированных фондов. Это означало продвижение в государственную жизнь идеи о военном демократизме, связанном с приобретением Главнокомандующим доверия основной массы населения — крестьян, которые в результате должны были количественно увеличить численность Белой армии.

3. Сформированное П.Н. Врангелем аграрное законодательство соответствовало политической обстановке в России и учитывало самобытность становления национального, культурного и сельскохозяйственного отечественного быта.

Литература

1. Приказ генерала Деникина А.И. от 22 марта 1920 г. № 2899 о передаче командования барону П.Н. Врангелю // ГА РФ. Ф. 5872. Оп. 1. Д. 105. Л. 19.
2. Приказ Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России «О земле» от 20 мая 1920 г. со всеми дополнениями. Константинополь, 1920. С. 4.

⁹ См.: Врангель П.Н. Записки (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.). Париж, 1927.

3. Врангель П.Н. Воспоминания. Франкфурт-на-Майне : Посев, 1969. Т. 2. С. 55.
4. Врангель П.Н. Записки (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.). Париж, 1927.
5. Врангель П.Н. Письмо на имя начальника Гражданского управления Г.В. Глинки // Нива. 1915. № 42. С. 781.
6. Ломкин А.В. Экономическая политика Белого движения на Юге России и в Сибири : дис. ... канд. экон. наук. М., 1997. С. 32.
7. Материалы Управления земледелия и землеустройства Особого Совещания при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России за 1919–1920 гг. (г. Екатеринодар, г. Севастополь) // ГА РФ. Ф. Р-355. Оп. 1. 58 ед. хр.
8. Махров П.С. В Белой армии генерала Деникина. М. : Logos, 1994. С. 293.
9. Савич Н.В. Воспоминания. СПб. : Logos, 1993. С. 377.

Элементы федерализма в доиндустриальных государствах (сравнительно-государствоведческий очерк)

*Гуляков Александр Дмитриевич,
ректор Пензенского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
rektorat@pnzgu.ru*

*Саломатин Алексей Юрьевич,
заведующий кафедрой теории государства и права
и политологии Пензенского государственного университета
доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор
valeriya_zinovev@mail.ru*

Статья рассматривает некоторые предшествующие формы федерализма в доиндустриальную эпоху — от союза городов в Древней Греции, доминирование Рима над союзниками в Италии, Священную Римскую империю германской нации, Соединенные провинции Нидерландов. Авторы утверждают, что дефицит материальных ресурсов, преобладание грубой силы и доминирование монархии препятствовало развитию хорошо сбалансированных демократических федеративных конструкций.

Ключевые слова: история федерализма, союзы городов древней Греции, доминирование Рима над союзниками в Италии, Священная Римская империя германской нации, Соединенные провинции Нидерландов.

Elements of Federalism in Pre-industrial States (Comparative Political Essay)

*Gulyakov Aleksandr D.,
Rector of the Penza State University,
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor*

*Salomatina Aleksey Yu.,
Head of the State and Law Theory and Political Science
Department at the Penza State University,
Doctor of Law, Doctor of History, Professor*

The article deals with some predecessors of federalism in pre-industrial epoch — unions of towns in Ancient Greece, Ancient Rome domination over allies in Italy; Holy Roman Empire of German People; United Provinces of the Netherlands. The authors claim that deficit of material resources, preponderance of physical force and domination of monarchies hindered development of well-balanced democratic federative constructions.

Key words: History of Federalism, Unions of towns in Ancient Greece, Ancient Rome domination over in Italy, Holy Roman Empire of German People, United Provinces of the Netherlands.

Существует во многом справедливая точка зрения, что федерализм — это относительно молодое явление, что первая волна образования федеративных государств длилась с XVIII в. до начала XX в.¹ «Хотя уже в античные времена существовали подобия федеративных, а точнее, конфедеративных отношений (Афинский союз, Коринфский союз), классические федералистские представления стали складываться только в Новое время с появлением буржуазных государств»².

Однако дело не в том, что люди в XVIII–XIX вв. оказались более политически продвинутыми, чем их предшественники. **Утверждение федерализма в его классическом виде было связано с индустриализацией и модернизационными процессами, развернувшимися с конца XVIII в.**³

В доиндустриальных обществах федерализм не мог возникнуть как законченное, закономерное явление. Во-первых, унитарное государство было более экономичной формой государственной жизни в условиях хронического дефицита материальных ресурсов. Во-вторых, в доиндустриальных обществах с их культом грубого государственного принуждения не было необходимости в выстраивании более сложных, более «политесных» федеративных отношений. В-третьих, ввиду доминирования монархических форм правления в доиндустриальную эпоху федерализм не имел шансов добиться должной гибкости и демократической легитимности, без чего у него не было шансов стать устойчивой государственной конструкцией.

И тем не менее отдельные элементы федерализма, сложившиеся до образования первого современного федеративного государства — США, — заслуживают того, чтобы к ним присмотреться более внимательно.

Возьмем хотя бы пример **Древней Греции**, где имеют место попытки создать союзы полисов. **Афинский морской союз**, учрежденный ввиду внешней военной опасности со стороны Персидской державы, продемонстрировал свою ненужность и обременительность в мирное время для входивших в него небольших полисов. «Хотя союзники и пользовались автономией, а в некоторых полисах сохранялись аристократические и олигархические режимы, гегемония полностью перешла к Афинам, осу-

ществлявшим ее с помощью морского флота, складывавшегося бюрократического аппарата и гарнизонов в городах»⁴. До поры до времени попытки выйти из союза успешно пресекались, но с поражением Афин в борьбе со Спартой в конце V в. до н.э. союз развалился. И в то же время **Пелопоннесский союз**, объединивший полисы — сторонников Спарты, строился на менее жестких принципах: «на собрании союзников каждый, даже самый маленький полис обладал одним голосом. Вступление в союз и выход из него были добровольными; не существовало какой-либо общей администрации, общих финансов и регулярных взносов на нужды союза, за счет которых кормился бы гегемон»⁵.

К сожалению, обе союзные коалиции истощили друг друга в ожесточенной борьбе. И хотя в воссозданном через некоторое время **Втором Афинском морском союзе** афиняне проводили более терпимую, дружелюбную в отношении партнеров политику без притязаний на их земли и без диктата в союзном совете, это союзническое образование было распущено уже в середине IV в. до н.э. Не оказались жизнестойкими и другие коалиции государств — в частности, **объединение Агрота и Коринфа, Аркадский союз** со столицей в специально построенном для этого городе Мегальполе, Фиванско-Беотийское государство, Халкидский союз. Древнегреческие полисы с весьма незначительным населением и территорией оказались мало приспособленными для выстраивания прочных союзнических отношений. Сложный гористый рельеф, когда на долины и равнины приходится лишь около 20% всех территорий, способствовал образованию множества «мелких и мельчайших, изолированных друг от друга долин, располагающих к замкнутой обособленной жизни»⁶.

Иное дело **Древний Рим**. С точки зрения географического положения и наличия значительных природных ресурсов Апеннинский полуостров, в отличие от Балканской Греции, располагал к созданию крупного государства с благоприятными условиями для развития земледелия на многочисленных равнинах. Пестрый этнический состав его населения длительное время обеспечивал конкурентное развитие разным общностям. Устанавливая свою гегемонию на Аппенинском полуострове, **Рим** создал сложную систему

¹ Андерсен Дж. Федерализм: введение М., 2009. С. 16.

² Тэпс Д. Суверенитет в теории федерализма. СПб., 2004. С. 22.

³ Саломатин А.Ю. Всемирная история государства и государственного управления. М., 2013.

⁴ Немировский А. История Древнего Мира. Античность. М., 2007. С. 257.

⁵ Там же. С. 259.

⁶ История Древней Греции / под ред. В.И. Кузицина. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1996. С. 6.

союзнических связей, построенную на основе двухсторонних, преимущественно неравноправных, договоров. Такое построение системы «упрощало управление ею общиной-гегемоном, поскольку не требовало постоянных коллективных органов (вроде союзного совета)... Аграрный Рим мог значительно превосходить союзников (в числе которых позднее оказались полисы с высоким уровнем развития ремесла и торговли) только в одной области — военной»⁷. В наиболее благоприятных условиях находились муниципии: они сохраняли полное внутреннее самоуправление, а их жители считались римскими гражданами (правда, обычно без права занимать выборные должности в Риме). Меньшим объемом прав обладали так называемые «сдавшиеся общины». Обычно они управлялись направляемыми из Рима префектами. Наконец, Рим распространял свое влияние на завоеванные территории и путем организации колоний. При этом предпринимались меры, чтобы эти поселения не вышли из-под контроля: обычно численность колонистов, не считая членов их семей, не превышала 300 человек, что делало их зависимыми в военном отношении от Рима⁸. Подобная **гегемонистская симмахия** не была, естественно, федерацией, а неким подобием сложносоставного государства, продвигающимся в направлении унитарной империи. В 91–88 гг. до н.э. она в ходе Союзнической войны прошла испытание на прочность, когда под давлением восставших союзников Сенат предоставил практически всем им права римского гражданства. «Любопытный факт римской истории: победители были вынуждены удовлетворить требования побежденных»⁹. В дальнейшем окончательно превратившись и фактически, и формально в империю, Древний Рим с его 50-миллионным населением и огромной территорией уже не мог использовать элементы федерализма, да и не видел в этом необходимости.

Не стало федерацией и другое крупное государство доиндустриальной эпохи — **Священная Римская империя германской нации**. Ее скорее следует определить как **эргац-федерацию** или **имперскую конфедерацию**. Это был «рыхлый наднациональный союз более или менее независимых государств

и политических образований»¹⁰. Сотканная из этнических герцогств (прежде всего Швабии, Баварии, Франконии, Саксонии), наследница времен военной демократии, она не смогла отойти от традиций выборности монарха и не обрела устойчивой династии правителей. «Начиная с IX в. короля избирали правители этнических областей, затем в круг выборщиков постепенно входили другие светские и духовные правители германских земель. Неопределенность круга выборщиков периодически приводила к междоусобным конфликтам. Случалось, что позиции выборщиков разделялись и они избирали двух королей, между которыми начинались военные действия... или при поддержке Папы низлагали прежнего и избирали нового короля...»¹¹.

Золотая Булла 1356 г. юридически закрепила процедуру выборов монарха и четко определила их состав в лице 7 курфюрстов — крупнейших светских правителей и духовных чинов. В XVII в. их число увеличилось до 9.

Представительно-совещательными функциями обладал **Имперский сейм** (Рейхстаг), который со временем стал включать в себя 3 коллегии: курфюрстов, обычных князей и городов. Этот орган принимал имперские законы. «Правом законодательной инициативы обладал император, а затем также коллегия курфюрстов. Для вступления принятого Советом закона в силу требовалась императорская санкция (резолюция). Непосредственное действие имели только законы, касавшиеся устройства империи, организации ее органов и отношений империи с ее членами... Другие имперские законы могли применяться в той мере, в какой они не противоречили внутреннему законодательству членов Империи»¹². «Политическая и законодательная компетенция рейхстага теоретически была широка: вопросы войны и мира, заключение договоров; рейхстаг был высшей судебной инстанцией империи. Его постановления охватывали широкий круг дел — от нарушения предписаний против роскоши и шулерства до попыток упорядочения монетной системы и учреждения единообразия в уголовном судопроизводстве (так называемая «Каролина», 1532 г.). Однако отсутствие общеимперских исполнительных органов сводило эту законодательную иници-

⁷ Евсеенко Т.П. От общины к сложной государственности в Античном Средиземноморье. СПб., 2005. С. 140.

⁸ Там же. С. 141–145.

⁹ История Древнего Рима / под ред. В.И. Кузицина. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1993. С. 131.

¹⁰ История Европы. Том 3. От Средневековья к Новому времени (конец XV — первая половина XVII в.). М., 1993. С. 196.

¹¹ Лексин И.В. Государственное устройство федерации в составе Европейского Союза. М., 2014. С. 42.

¹² Там же. С. 49.

ативу на нет»¹³. **Имперский Суд**, в котором император назначал председателя суда и председателей коллегий, а курфюрсты и сеймы — рядовых заседателей, «служил для разрешения споров между членами Империи, а также в качестве высшей апелляционной инстанции по гражданским делам с высокой суммой иска и кассационной — по уголовным делам». Более подконтрольный императору **Имперский надворный совет** первоначально был задуман «как высшая судебная инстанция для владений императора... и консультативный орган при императоре»¹⁴. Однако со временем эти два суда превратились в конкурирующие друг с другом структуры с пересекающимися полномочиями.

Если говорить о других звеньях центрального аппарата, то они также были слабы. Эрцканцлер Германии в лице архиепископа Майнцского был весьма влиятельной фигурой: он созывал коллегия курфюрстов и Имперский совет. Он же возглавлял **Имперскую канцелярию**, которая контролировалась в большей степени эрцканцлером, чем императором. В то же время назначаемый императором **вице-канцлер** был ответственен за текущую работу Имперской канцелярии и руководил **Имперской тайной надворной канцелярией**, к которой эрцканцлер не имел никакого отношения.

Государства — члены Империи имели определенные налоговые и военные обязательства перед императором. «Однако имперской фискальной системы практически никогда не существовало, а уклонение от выполнения финансовых и военных обязательств лишь в исключительных случаях (например, в случае прямого вооруженного выступления против императора) каралось лишением членства в Империи»¹⁵. В структуре последней к концу XVIII в. было до 300 государств и территорий. Таким образом, беспрецедентная многоформатность структурных элементов (начиная с курфюршества и крупных княжеств и кончая карликовыми территориальными образованиями) при поразительной долговечности сепаратизма делали германский конгломерат государств трудным, почти невозможным объектом для реформирования.

Ближе к федеративной форме подошли **Соединенные Провинции Нидерландов**. Эта наиболее экономически продвинутая стра-

на Европы с высокой долей городского населения, развитой мануфактурой, сельским хозяйством и значительным торговым флотом представляла собой союз 7 крохотных провинций, созданный в ходе религиозной национально-освободительной войны. Утрехтская уния 1579 г., явившаяся первоначально соглашением о военно-политическом союзе воевавших с Испанией провинций, приобрела со временем значение конституции. Суверенитет сохранялся за провинциями, но у них не было права на сепессию. В унии особо оговаривалось право и обязанность провинций вводить единые налоги на оборонные цели, которые могли увеличиваться или снижаться с единого согласия. Упоминалось, что в случае разногласий между провинциями решение спорных вопросов должно было передаваться на согласование провинциальных статхаудеров или назначаемых ими арбитров¹⁶. Главной цементирующей силой молодого государства стали **Генеральные Штаты**. Они «издавали общие законы, вотировали налоги, контролировали деятельность высших административных и судебных учреждений, утверждали в высших должностях, управляли зависимыми от Республики землями («Генералитетскими землями»)). Но процедура принятия решения была очень сложна, так как депутаты голосовали на основе императивного мандата, т.е. представители провинций были обязаны выполнять наказ своих избирателей. А решение должно было приниматься единогласно»¹⁷. **Реальной силой оставалось провинциальное купечество**. Дворянство и сельская округа имели более слабые позиции. В союзе провинций экономически доминировала крупнейшая провинция — **Голландия**, чей глава исполнительной власти — **великий пенсионарий** — стал председателем Генеральных Штатов. Другим авторитетным лицом являлся **статхаудер** — главнокомандующий государства из дома принцев Оранских-Нассау. Вокруг этих двух фигур группировались противоположные группировки — **республиканцы, оранжисты**, грезившие о централизации унитарной монархии. Но, как бы ни заканчивалась в конкретный исторический момент борьба, «центральная власть ... никогда не имела достаточного авторитета и силы, чтобы победить партикуляризм нидерландских провинций»¹⁸.

¹³ История Европы. Т. 3. С. 199.

¹⁴ Лексин И.В. Государственное устройство федерации в составе Европейского Союза. М., 2014. С. 50.

¹⁵ Там же. С. 52.

¹⁶ Rowen H.H. The Low Countries in Early Modern Times: a Documentary History. N.Y., 1972. P. 69–74.

¹⁷ Шатохина-Мордвинцева Г.А. История Нидерландов. М., 2007. С. 166–167.

¹⁸ Там же. С. 169.

Таким образом, элементы федерализма в доиндустриальную эпоху имели различные масштабы и формы выражения. Но они никогда не приводили к созданию полноценной конструкции федеративного государства. Чаще всего не хватало материальных ресурсов и коммуникационных возможностей. Выстраивание сложного взаимодействия между центром и составными территориальными единицами наталкивалось также на социальный корпоративизм и глубокие социальные противоречия, незрелость политической жизни и гипертрофированное значение чисто военных факторов.

В современном мире в условиях кризиса государственности усиливается интерес не только к теоретическим основам, но и к практическим аспектам федерализма в реальной политике конкретных государств.

Современная наука рассматривает федерализм как принцип, режим и форму государственного устройства, позволяющие обеспечить единство и разделение государственной власти в условиях ее территориальной организации на нескольких уровнях. Вместе с тем в мировой науке справедливо отмечается, что федерализм как принцип обустройства ушел далеко за рамки применения только во внутригосударственных отношениях. Федерализм используется как средство совершенствования отношений между социальными негосударственными структурами, преобразования мира и слияния государств и их территорий в единое гармоничное сообщество. В современных отечественных и зарубежных работах, анализирующих тенденции развития государственности в целом и федеративной государственности в частности, выделяются динамизм и гибкость государственной власти как важные составляющие достигнутого уровня развития общественной жизни. «Можно без преувеличения сказать: «государственная общность» и «государственное многообразие» стали двумя доминантами мирового развития»¹⁹.

Суть федерализма как направления к объединению в мирное и гармоничное сообщество людей на всех уровнях территориальной организации государственной и общественной власти выдвигается сегодня в качестве ключевой идеи при анализе перспектив и тенденций развития общественных, внутригосударственных и межгосударственных отношений, поиске путей их совершенствования. Один из известных идеологов федерализма современ-

ной эпохи — Д. Элейзер — выразил мысль о том, что федеративные отношения по своей природе есть отражение характера связи между людьми, их стремления к единению, приобщенности к идеям единства мира, божественного договора и гражданского согласия. В этом смысле федерализм «рассматривается не только как определенная структура государственных органов и их иерархия, но и как постоянный процесс улаживания отношений между центральным правительством и составными частями федерации»²⁰.

Такую оценку федерализму можно дать, исходя из его сущности как средства объединения и урегулирования противоречий. По мере развития цивилизации в противовес межгосударственным и внутригосударственным противоречиям, порождающим перманентные конфликты, войны и междоусобицы, появилось стремление к достижению согласия (договора) о разделении власти, сфер влияния и мирного сосуществования. Федерации создаются как союз отдельных обществ, организаций (федерация профсоюзов, например). В унитарных государствах под влиянием федерализма возникают процессы децентрализации. Отсюда естественно появление государств, занимающих промежуточное положение между федерацией и унитарным государством (регионалистское государство). Такие государства можно назвать полуфедерациями или квазифедерациями — унитарными государствами с ярко выраженными элементами федерализма. Например, сегодня это Италия и Испания²¹. Элементы федерализма используются и как основа формирования и развития местного самоуправления, расширяя тем самым его потенциал, и как необходимый элемент межгосударственных отношений и формирования конфедеративных образований с ярко выраженными элементами федеративного устройства (Европейский союз). Наконец, федерация — возможная форма объединения государств целого континента (Соединенные Штаты Европы) и даже планеты в целом (Всемирная Федерация)²².

В свое время Шарль Монтескье заметил: «Если небольшие республики погибают от

¹⁹ Тихомиров Ю.А. Государство на рубеже столетий // Государство и право. 1997. № 2. С. 29.

²⁰ Elazar Daniel J. Federalism and the way to peace. Institute of intergovernmental Relations, Queen's University Kingston. Ontario, Canada, 1994. P. 5.

²¹ Elazar Daniel J. Federalism and the way to peace. Institute of intergovernmental Relations, Queen's University Kingston. Ontario, Canada, 1994. P. 23.

²² Аболин О.Ю. Всемирный и европейский федерализм: вероятные перспективы // Полис. 1994. № 5. С. 142–149.

внешнего врага, то большие — от внутренней язвы. Против внешнего врага отдельные государства образуют союз — новое единое государство — федерацию, участники которой приобретают новый статус субъектов федерации, а для борьбы с «внутренней язвой» унитарное государство децентрализуется в федеративное, в результате чего не только центр, но и составные части государства получают право быть самостоятельным уровнем управления, в единстве обеспечивая целостность и эффективность государственной власти»²³.

Если как принцип федерализм воплощает способ урегулирования разногласий объединения людей и их образований на государственном уровне, то как форма государственного устройства он определяет разделение государственной власти по вертикали между территориальными образованиями различного уровня в едином государстве. Таким образом, в обеспечении единства государственной власти с учетом его одновременного распределения по двум уровням государственности проявляется организующая роль федерализма, необходимая для достижения эффективности государственной власти.

Достаточно сложно идентифицировать государство как федеративное, так как основные критерии носят оценочный характер, до сих пор отсутствует их единая классификация. В мировой практике можно встретить унитарные государства, которые достигают такой степени децентрализации, что по определенным параметрам автономии превосходят субъектов федеративных государств (если, к примеру, сравнивать пока официально признаваемые унитарными Италию и Испанию с Индией, считающейся федерацией, то уровень децентрализации государственной власти по вертикали у первых значительно выше, нежели у второй)²⁴. И тем не менее существуют параметры, те качества, раскрывающие природу, способы и формы образования и функцио-

нирования федеративного государства, отличительные свойства системы разделения государственной власти и ответственности по вертикали, совокупность которых дает основание считать государство федеративным.

Анализ современного состояния федерализации государств позволяет выявить основные тенденции, формирующие наиболее совершенные черты федерализма на данном этапе развития государственности. Это демократизация федеративных отношений и возрастание ответственности государственной власти пропорционально увеличению объема ее функций и полномочий.

Литература

1. Андерсен Дж. Федерализм: введение М., 2009. С. 16.
2. Аболин О.Ю. Всемирный и европейский федерализм: вероятные перспективы // Полис. 1994. № 5. С. 142–149.
3. Евсеенко Т.П. От общины к сложной государственности в Античном Средиземноморье. СПб., 2005. С. 140.
4. История Древней Греции / под ред. В.И. Кузицина. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1996. С. 6.
5. История Древнего Рима / под ред. В.И. Кузицина. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1993. С. 131.
6. История Европы. Том 3. От Средневековья к Новому времени (конец XV — первая половина XVII в.) М., 1993. С. 196.
7. Лексин И.В. Государственное устройство федерации в составе Европейского Союза. М., 2014. С. 50.
8. Монтескье Ш. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1955. С. 268.
9. Немировский А. История Древнего Мира. Античность. М., 2007. С. 257.
10. Саломатин А.Ю. Всемирная история государства и государственного управления. М., 2013.
11. Тэпс Д. Суверенитет в теории федерализма. СПб., 2004. С. 22.
12. Тихомиров Ю.А. Государство на рубеже столетий // Государство и право. 1997. № 2. С. 29.
13. Elazar Daniel J. Federalism and the way to peace. Institute of intergovernmental Relations, Queen's University Kingston. Ontario, Canada, 1994. P. 23–24.

²³ Монтескье Ш. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1955. С. 268.

²⁴ Elazar Daniel J. Federalism and the way to peace. Institute of intergovernmental Relations, Queen's University Kingston. Ontario, Canada, 1994. P. 23–24.

Некоторые принципы рассмотрения споров в обычном праве казахов

*Ибрагимов Жамаладен Ибрагимович,
доцент кафедры теории и истории государства и права, конституционного права
Евразийского национального университета им. А.Н. Гумилева,
кандидат исторических наук, доцент
zhamaladen@mail.ru*

В работе рассматриваются особенности правового регулирования спорных отношений в суде биев. Автор отмечает, что в процессе регулирования спорных отношений преимущественную силу имели честь и достоинство, обращение к справедливости, честность, добросовестность, которые по силе не уступали писаным законам, кодексам.

Ключевые слова: обычное право, спор, суд биев, закон, кодекс, честь и достоинство, справедливость, добросовестность, компромисс.

Several Adjudication Principles in the Common Law of Kazakhs

*Ibragimov Zhamaladen I.,
Assistant Professor of the State and Law Theory and History
and Constitutional Law Department at L.N. Gumilyov Eurasian National University,
Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor*

The article deals with the peculiarities of legal regulation of controversial relations in the court of biy. The author notes that the honor and dignity, access to justice, honesty, integrity, which did not yield valid written lawcodes, prevailed over the process of regulating the controversial relationship.

Key words: common law, dispute, biy court, law, code, honor and dignity, justice, honesty, compromise.

Актуальность темы исследования обуславливается научной новизной и отсутствием комплексного исследования правового регулирования спорных отношений в казахском обычном праве. Она представляет интерес с точки зрения выявления закономерностей и специфических особенностей развития правовой системы на территории, именованной в досоветский период Степным краем.

История традиционной правовой системы является неотъемлемой частью истории государства и права Казахстана.

В научной литературе существует мнение, что обычно-правовая система — это свод правил, которые регулируют общественную жизнь первобытных племен и родов. Некоторые исследователи рассматривали традиционную правовую систему и государство по отдельности.

По этому вопросу мы согласны с научной позицией российских ученых-юристов: «Эффективное эволюционирование российской правовой жизни должно происходить за счет реального отражения права в законодательстве и правоприменении. В свою очередь, сущность обычного права определяется характером личностных отношений в конкретной социальной системе. Наиболее распро-

страненные и устоявшиеся «теоретические предрассудки» в отношении феномена правовой жизни и обычного права связаны, на наш взгляд, с абсолютизацией сознательного тотального контроля жизни социума, единства правовых культур различных его слоев, а также с недооценкой значимости института прав человека в жизни государства и общества. Следует обратить внимание также и на неписаное право Европейского сообщества, которое состоит из «общих принципов права». Это «общее право» Европейского сообщества принято судом ЕС. Юристы не без оснований считают важным действенным источником права ЕС, роль которого возрастает. Все эти обстоятельства актуализируют исследование обычного права в России как в обществе демократическом, многонациональном, многоконфессиональном, обладающем богатейшими историческими традициями»¹.

Традиционная правовая система касается не только древнего периода, она является фундаментом государственности на этапах его становления. Развитие традиционной правовой системы происходило своеобразным

¹ Хартли Т. Основы права Европейского сообщества. М., 1998. 200 с.

путем. Особенности уклада жизни кочевника, укоренившиеся вековые традиции привнесли своеобразие и неповторимый колорит. Это касается степного пространства Евразии, где доминировало кочевое хозяйство.

Один из известных ученых-юристов З. Кенжалиев отмечает: «Правовая система, основанная на обычаях и традициях, отличается от правовой системы, образованной из правовых норм. Это отличие прослеживается в историческом контексте, социально-политическом значении, духовном начале, в принципах, жизненных ценностях и влиянии на человечество обычного права»².

Наряду с этим он отмечает внутреннее содержание и сущность, внешнюю характеристику, регулирующую роль и возможности влияния обычно-правовой системы. Если мы признаем кочевников Евразии представителями особых культур, то мы должны признать их специфику государственной структуры. Значит, политическая характеристика казахского общества соответствует такому явлению как государство.

Описывая некоторые особенности кочевой правовой цивилизации, профессор Ж. Бусурманов отмечает: «В условиях кочевой цивилизации существовали своеобразные обычаи, традиции и правила поведения, мотивируемые, в первую очередь, необходимостью считаться с интересами не только коллектива, но и отдельного индивида»³.

При характеристике права казахского народа, традиционного общества невозможно использовать современное общепринятое понимание права как совокупности правил и норм, обеспеченных силой государства и отражающих волю законодателя. Кочевое право гораздо сложнее, оно состоит не только и не столько из писанных официальных норм, оно включает в себя сложную совокупность правовых ценностей, правовых образов, правовых понятий, правовых отношений, правосознания, институтов права и правовых процедур. Именно эти качества и дают нам основания определить казахское обычное право как уникальный правовой феномен, действовавший в течение тысячелетий, сохранивший казахский народ и его территорию для потомков. Право казахского народа закрепляло воль-

ность, нравственные идеи, идеалы и принципы, воспринимаемые всем народом. Это и явилось фундаментальными причинами того, что оно выдержало испытание временем. Степное право обладает синкретичностью, в нем сливаются воедино нравственность, религия и мораль, оно растворено в политических, экономических, семейных и прочих институтах и процессах. Главное назначение права заключалось в его способности удерживать людей вместе на огромных территориях, быть инструментом примирения, а не наказания, сплачивать, а не разъединять людей.

Основным механизмом обеспечения обычного права было общественное мнение, а также самосознание человека, ощущающего себя в качестве единой части социума, осознающего ответственность не только за свою жизнь, но и за жизнь соплеменников.

Судебная система Казахстана в целом отвечает потребностям обеспечения эффективной судебной защиты прав и свобод граждан. Развитие судебно-правовой системы будет осуществляться на основе преемственности и поэтапности. Действуя в рамках единого правового поля, суды осуществляют специфические функции. Так, в соответствии с Конституцией судебная власть является одной из ветвей государственной власти и осуществляет функцию правосудия в стране⁴.

Уровень развития, достигнутый Казахстаном, требует от ученых-юристов и представителей государственных органов принятия мер по обеспечению и дальнейшему развитию закрепленных Конституцией принципов. Нам нужно сконцентрироваться на решении более важных и актуальных проблем, имеющихся в каждом из направлений деятельности государственных органов, в том числе правоохранительных и судебных. Некоторые поспешные эксперименты в такой сфере как правосудие могут привести к неустранимым проблемам судебной системы в целом.

Если обратить внимание на время, в 1867–1868 годах, когда была трансформирована бийская система судов, эти изменения привели к окончательному кризису традиционной регуляции общества. Об этих проблемах своевременно говорил всемирно известный казахский ученый и мыслитель Ш. Уалиханов, он высоко отзывался о степени развитости традиций и правосознания в казахской степи при отправлении правосудия.

² Кенжалиев З.Ж. Традиционная правовая культура в кочевом казахском обществе. Алматы: Жети-Жаргы, 1997. 192 с.

³ Бусурманов Ж.Д. Евразийская концепция прав человека: монография. Издание второе. Астана: КазГЮУ, 2010. 481 с.

⁴ Сапаргалиев Г.С. Конституционное право Республики Казахстан: учебник. Алматы: Жети-Жаргы, 2010. 536 с.

Возведение в звание бия не обуславливалось у киргиз каким-либо формальным выбором со стороны правящей народом власти, только глубокие познания в судебных обычаях, соединенные с ораторским искусством, давали киргизам это почетное звание. Чтобы приобрести имя бия, киргизу нужно было не раз показать перед народом свои юридические знания и свою ораторскую способность. Молва о таких людях быстро распространялась по всей степи, и имя их делалось известным всем и каждому. Таким образом, звание бия было как бы патентом на судебную и адвокатскую деятельность, практику. Дети лиц, носивших звание биев, имея большую юридическую практику, обыкновенно наследовали знания и вместе с тем и звания своих отцов⁵.

Традиционным судебным институтом у казахов был суд биев, которые осуществляли функции судебной власти в кочевом обществе. Привилегированное положение биев в казахском обществе определялось прежде всего большой общественной значимостью функции правового регулирования арбитража и посредничества и выражалось в преимущественных правах в системе имущественных отношений.

Для суда биев как судебного института были характерны уважение к биям, авторитет мнения судьи, обязательность исполнения решения суда без дополнительной принудительной силы.

Главными критериями в Казахском государстве XV–XVIII вв. были социальная стабильность, сохранение традиционной системы казахского общества, справедливое управление народом. Поскольку основной задачей биев было примирение тяжущихся сторон, достижение обоюдного согласия сторон в споре, а не вынесение какого-либо конкретного «правильного решения» судьей (бием), суд биев удовлетворял потребности разрешения конфликтов в обществе того периода времени. Бии были хранителями обычая народа, в то же время являлись родоуправителями.

Особое место в степи занимали бии — честные, неподкупные люди, с незапятнанной совестью, решавшие спорные дела и возглавлявшие роды. Бии выступали как объединители народа в государство, хан олицетворял собой государство. Гонения против биев считались гонениями против народа. Поэтому ханы всегда прислушивались к мнениям биев.

⁵ Валиханов Ч.Ч. Записка о судебной реформе. Избранные произведения. М.: Наука, 1987. 350 с.

Рассматривая суд биев в начале XIX в., мы видим его древнюю основательную форму. Начальная колонизация не отразилась в обычно-правовой системе казахов.

Обычное право оставалось основным регулятором общества. Более того, суд биев в 50-х годах XIX века был популярен и у других народов, населяющих Казахстан.

Один из знатоков обычного права казахов А.К. Гейнс писал: «Суд биев (хороших людей) скор и производится на словах, он довольно справедлив и всегда бескорыстен, потому пользуется уважением не только казахов, но и разночинцев и казахов, из которых многие идут в суд биев»⁶.

Колонизация казахского ханства, введение в степи «Устава» 1822–1824 гг. оказало сильное воздействие на правовую систему, в том числе на народный суд. Часть уголовных дел была передана окружным властям и компетенции русского военного суда. Вдобавок положение 1854 г. устанавливало возможность для получения этого звания административным служащим со стажем не менее шести лет.

Вот суд биев, несмотря на 40-летнее русское влияние, остался таким, каким был он сотни лет, может быть, тысячу лет назад. Стало быть, ни внутренняя инерция народа, ни влияние русских учреждений и законодательств не могли изменить его древних и простых форм, хотя царское правительство не раз думало дать ему более прочную, более официальную организацию.

С этой целью был издан закон 1854 г., которым было постановлено: «звание биев оставлять за теми, кто им пользовался до 19-го мая 1854 г.; на будущее же время предоставлялось оно только султанам и аульным старшинам, прослужившим в этих должностях не менее 6 лет и отправлявшим какие-нибудь должности или чем-нибудь всемиловитейшие награжденным, и не иначе как по выбору общества и с утверждения окружного приказа (94 ст., том 2, часть 2. Учр. об управлении инородцами)».

Этот неудачный закон, имевший целью возвысить звание биев, дав им чиновничье значение, но прямым последствием которого было бы то, что звание биев перешло бы непременно в руки честолюбивых богачей, положительно не сведущих в народных обычаях и правах, к счастью киргиз, не имел никакого влияния на их народный суд, потому что число лиц, бывших биями до 19-го мая, оказалось и оказывается до настоящего времени доста-

⁶ Гейнс А.К. Собрание литературных трудов. СПб., 1897. Т. 1. 590 с.

точным для отправления у киргизского народа правосудия⁷.

Бийская судебная власть в кочевом казахском обществе представляла собой социальную группу людей, в совершенстве изучивших и всесторонне осведомленных о нравах и обычаях народа, его идеологии, неписаных устоях, правилах и правовых нормах. Бии своей мудростью, ораторским талантом блестяще разрешали все возникавшие индивидуальные и коллективные споры и заслуженно пользовались огромным уважением во всей Степи.

И все же главной функцией биев было недопущение сор и раздоров среди родов, объединение народа в единое целое. Принцип компромисса как категории равновесия и стабильности лежит в основе существования всего казахского общества и в частности в основе правовой культуры. Отметим, что казахи не любили судиться, предпочитая заканчивать споры путем досудебных процедур, мировым соглашением. Главной целью биев было сохранение мира внутри казахского народа и мирных отношений с соседними народами.

Видный ученый-юрист, внесший большой вклад в развитие теории и истории государства и права, академик НАН РК С.З. Зиманов отмечает: «Дорожите судебной властью, берегите судебную власть, спасение судебной власти — спасение демократии, Отечества»⁸.

Советское государство с первых дней своего существования придавало первостепенное значение укреплению нового аппарата государственной власти. Ревком по управлению Казахским краем разработал инструкцию для народных судов. В инструкции предлагалось руководствоваться только декретами и постановлениями Советского правительства. С этого времени началось господство идеологии тоталитарного государства, когда в центре внимания государства находилось само же государство как политический институт.

Изменения, происшедшие в административно-территориальном устройстве республики, конституционные принципы судопроизводства, определенные законом о судостроительстве СССР, не внесли существенных улучшений в судебную систему Казахстана.

⁷ Валиханов Ч.Ч. Записка о судебной реформе. Избранные произведения. М.: Наука, 1987. 350 с.

⁸ Зиманов С.З. Спасение судебной власти — спасение демократии. Материалы научно-практической конференции, посвященной 30-летию Алматинского горсуда. Алматы, 2000. 179 с.

Действовавшая советская судебная система, которая была оружием государственного аппарата, отсутствие гласности и независимости судебной власти привели к заниженному отношению к суду — как к учреждению, которого избегали, а не уважали.

Говоря о роли и месте судьи как носителя судебной власти, его социальном облике, мы в первую очередь подразумеваем его духовный, нравственный потенциал.

И этому подтверждение — слова Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева: «Судейская независимость — это не цель, а средство для надлежащего исполнения гражданского и профессионального долга судьи. Те, кто не осознает этого, не имеют права носить высокое звание судьи»⁹.

Судебная власть, подавленная тотальным государственным контролем, не обеспечивала работу судебной системы, которая действовала бы для развития гарантий прав и свобод граждан. Вехой в конституционной эволюции стало принятие Конституции Республики Казахстан от 28 января 1993 года. Она являлась значительным шагом в демократизации казахстанского общества, возвела новое независимое государство в ранг цивилизованных конституционных государств. Впервые на конституционном уровне были закреплены следующие принципы:

— приоритет прав человека, а не государства;

— принцип разделения властей (на законодательную, исполнительную и судебную ветви) с использованием механизма «сдержек и противовесов»;

— признание права частной собственности.

Последний раздел Конституции 1993 года был посвящен судебным гарантиям прав и свобод.

Однако время обнаружило в Конституции 1993 года недостатки, требовавшие внесения многочисленных изменений и дополнений в Основной закон Республики Казахстан переходного периода.

В этой связи в 1995 году, 30 августа, была принята новая Конституция, которая соответствует основным задачам демократического общества.

Чтобы соответствовать общепринятым в демократическом сообществе стандартам, как отметил глава государства, для полномасштабной реформы судебной системы созда-

⁹ Выступление Президента РК Н.А. Назарбаева на III съезде судей // Казахстанская правда. 2001. 10 ноября.

на комиссия для подготовки предложений по совершенствованию судебной системы и отправлению эффективного правосудия, отвечающего потребностям современного общества¹⁰.

Судебная власть предназначена разрешать все возникающие казусы и конфликты на основе действующего законодательства. Она распространяется на все дела и споры, возникающие на основе Конституции, законов, иных нормативных правовых актов. Никакие иные институты власти и управления не могут обладать или наделяться подобными полномочиями. Так, по мнению видного ученого-юриста Ж. Бусурманова, «суды Республики Казахстан призваны играть определяющую роль в системе государственных институтов защиты прав и свобод человека. Отсюда любые новации, направленные на совершенствование их деятельности, всегда должны быть ориентированы на эффективную реализацию основного предназначения этих органов — обеспечение и охрану конституционных прав и свобод человека и гражданина Казахстана»¹¹.

Концепцией правовой политики Республики Казахстан, утвержденной Указом Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 г. № 858, были определены основные направления развития правовой системы страны: «На конституционном уровне придан импульс новому этапу судебно-правовой реформы, направленному на укрепление независимости судов при отправлении правосудия. Сфера применения смертной казни сокращена и ограничена исключительно террористическими преступлениями, сопряженными с гибелью людей, и особо тяжкими преступлениями, совершенными в военное время, что в условиях Казахстана означает фактическую отмену смертной казни. Введено судебное санкционирование ареста, исключен конституционный запрет на возможность ведения прокуратурой и судом следствия»¹².

На сегодняшний день в Казахстане создана нормативно-правовая база, регулирующая основы, структуру и полномочия судебных ор-

ганов, правовой статус судей. Вместе с тем, несмотря на имеющиеся успехи в реформировании судебной власти, обеспечении ее независимости, беспристрастности, проблемы отправления правосудия в нашем независимом Казахстане не потеряли своей остроты и актуальности.

Хранителями правовой культуры казахского народа были бии. Бии — выходцы из народа, главной сутью которых были человечность, порядочность, справедливость.

Отметим, что бийские решения не были застывшими, раз и навсегда данными. Это достаточно гибкая система судебных решений, которые можно воспринимать как систему судебных прецедентов.

Сегодня наряду с римским правом достойное место в праве должно занять кочевое право — Жаргы и его правовые институты. Это институты, регулирующие споры о чести и достоинстве, институт куна (выкупа), институты, регулирующие спорные отношения по поводу пользования землей, институты, регулирующие семейно-брачные отношения, и др. Эти институты отличаются стремлением предотвратить конфликты, затяжную борьбу между народами и коллективами.

Для современного права большое значение имеет изучение требований, предъявляемых к биям: быть справедливым, честным, беспристрастным. Это находило выражение в следующей пословице «Тура биде туган жок, туганды биде иман жок». Сегодня важно использовать в современном праве правовые и нравственные принципы казахского права, а именно — поднять в обществе роль общественного мнения; отдавать приоритет решениям дел на основе мирного соглашения; повсеместно проводить гласные и публичные судебные разбирательства; назначать на должность судей людей, имеющих большой авторитет среди народа; постоянно выяснять мнение народа относительно справедливости вынесенных судебных решений.

Литература

1. Хартли Т. Основы права Европейского общества. М. : ЮНИТИ, 1998. 200 с.
2. Кенжалиев З.Ж. Традиционная правовая культура в кочевом казахском обществе. Алматы : Жети-Жаргы, 1997. 192 с.
3. Бусурманов Ж.Д. Евразийская концепция прав человека : монография. Издание второе. Астана : КазГЮУ, 2010. 481 с.
4. Сапаргалиев Г.С. Конституционное право Республики Казахстан : учебник. Алматы : Жети Жаргы, 2010. 536 с.

¹⁰ «Казахстан на пути ускоренной экономической, социальной и политической модернизации». Послание Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева народу Казахстана // Юридическая газета. 2005. 18 февраля.

¹¹ Бусурманов Ж.Д. Евразийская концепция прав человека : монография. Издание второе. Астана : КазГЮУ, 2010. 481 с.

¹² Концепция правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года // Казахстанская правда. 2009. 28 августа.

5. Валиханов Ч.Ч. Записка о судебной реформе. Избранные произведения. М.: Наука, 1987. 350 с.
6. Гейнс А.К. Собрание литературных трудов. СПб., 1897. Т. 1. 590 с.
7. Зиманов С.З. Спасение судебной власти — спасение демократии. Материалы научно-практической конференции, посвященной 30-летию Алматинского горсуда. Алматы, 2000. 179 с.
8. Назарбаев Н.А. Выступление Президента РК на III съезде судей // Казахстанская правда. 2001. 10 ноября.
9. Назарбаев Н.А. «Казахстан на пути ускоренной экономической, социальной и политической модернизации». Послание Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева народу Казахстана //Юридическая газета. 2005. 18 февраля.
10. Бусурманов Ж.Д. Евразийская концепция прав человека : монография. Издание второе. Астана : КазГЮУ, 2010. 481 с.
11. Концепция правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года // Казахстанская правда. 2009. 28 августа.

К вопросу о периодизации законодательства, регулирующего доступ к государственной службе в Российском государстве

*Трифонов Виталий Анатольевич,
научный сотрудник научно-исследовательского отдела,
Санкт-Петербургский университет
Министерства внутренних дел России
vtr_28.88@mail.ru*

В статье автор, используя разработанную исторической наукой процедуру периодизации социальных явлений и процессов, делает попытку выделить критерии, при помощи которых возможно исследование процесса развития законодательства, регулирующего доступ к государственной службе в Российском государстве, и обосновать авторскую периодизацию указанного социального процесса.

Ключевые слова: конституционное право, периодизация, государственная служба, доступ, законодательство, Российское государство.

Revisiting Periodization of the Legislation governing Access to the Public Service in the Russian State

*Trifonov Vitaliy A.,
Research Scientist of the Research Department, St.-Petersburg University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

The author of article, using the procedure of periodization of social phenomena and processes, tries to distinguish the criteria by which you can study the process of development of the legislation governing access to public service in the Russian state and to justify the author's periodization of the specified social process.

Key words: constitutional law, periodization, public service, access, legislation, Russian state.

Исследование процесса развития законодательства, регулирующего доступ к государственной службе в нашем государстве, возможно посредством использования исторического подхода. Важное место среди специальных методов, применяемых в его рамках, занимает метод периодизации социальных явлений и процессов. Содержание

обозначенного подхода в целом сводится к рассмотрению на протяжении определенного времени ситуации в данной сфере по избраным характеристикам изменений рассматриваемого социального и связанных с ним иных явлений и процессов [32, с. 46].

Исторической наукой разработана процедура периодизации. Периодизация необхо-

дима для определения характера динамики изучаемого процесса, выявления его основных тенденций и закономерностей [8, с. 44–45; 25, с. 43, 46]. Изучая динамику становления и формирования законодательства о государственной службе в нашем государстве и опираясь на критерии и стадии периодизации социальных явлений и процессов, разделим исследуемый нами процесс на следующие периоды.

Допетровский период (от принятия «Русской правды» до начала XVIII в.). Это период становления так называемой «государевой службы». Управление выделяется в самостоятельную сферу деятельности, и появляется такая категория населения как «дружинники — воины вооруженных отрядов князей, участвующие в войнах, управлении княжеством и личным хозяйством князя за денежное вознаграждение» [5]. Впоследствии в качестве отдельного контингента населения выделяется категория людей под названием «служилые люди». Высший слой «служилых людей» формируется в рамках института под названием «государев двор». В XIV–XV вв. в процессе становления единого государства произошло слияние дворов удельных князей с двором великих князей московских и образование некоторого подобия единого государственного аппарата.

Высшие государственные служащие рекрутировались, как правило, из боярства по критериям древности рода и его знатности — «породы». Титулованное боярство занимало все высшие должности в государственном управлении. Нетитулованные роды занимали посты второго ряда.

Делами служилых людей — назначениями, выдачей жалования за службу, ведением разрядных книг и т.д. — ведал специальный Разрядный приказ, утвержденный Иваном Грозным еще в XVI в. «Разряд» в середине его царствования вел «личные дела» 22–23 тыс. человек. Из них 2–3 тыс. были внесены в московские послужные списки, остальные — в местные списки, т.е., говоря современным языком, составляли некое подобие столичной «номенклатуры» [12, с. 221]. Было очевидно, что такая система замещения должностей в государственном аппарате негативно сказывается на эффективности управленческой деятельности. Это послужило поводом для глубоких реформ государственной системы.

Период существования Российской империи и Временного правительства (с появления в 1722 г. Табели о рангах и до 1917 г.).

Не секрет, что в нашем массовом сознании укоренился стереотип, согласно которому все благие и крупные начинания в российской истории связывают с именем Петра I. В полной мере это касается и государственной службы. Проведенные Петром I преобразования в сфере государственной службы предопределили ее нормативное оформление. В этот период появляется понятие «государственная служба» [11, с. 44].

Особое место среди государственных преобразований Петра I принадлежит «Табели о рангах всех чинов воинских, статских и придворных, которые в одном классе чины; и которые в одном классе, те имеют по старшинству времени вступление в чин между собою, однако ж воинские выше протчих, хотя б и старее кто в том классе пожалован был» [22, с. 132]. Табель создавалась с 1719 по 1722 г. с опорой на русскую практику, анализ «челобитных и иностранное законодательство» [2, с. 140]. Данный документ заложил основы формирования единой государственной службы в нашей стране.

Табель о рангах установила три иерархические, как бы параллельные, лестницы чинов для гражданской, военной и придворной служб, по 14 ступеней в каждой и состояла из двух частей. В первой части Табели о рангах приводился перечень государственных должностей. В Табели о рангах впервые в истории России государственная служба четко разделяется на военную службу и гражданскую службу. Вторую часть Табели о рангах составляли 19 пунктов, в которых содержалось объяснение этого документа, устанавливались принципы государственной службы в России, определялись условия совместительства одним лицом двух или более должностей, предусматривался порядок поступления на государственную службу и ее прохождения. При поступлении на государственную службу подробно регламентировался порядок получения чина [10].

Как отмечает В.О. Ключевский, «совершенно изменилось отношение сословного положения служивого лица к служебному чину. «Прежде этот чин определялся принадлежностью лица к известному генеалогическому слою служивого класса; теперь, наоборот, приобретение известного служивого чина вводило в состав высшего служивого класса, каково бы оно ни было происхождения» [6]. Стоит отметить, что Петр I проявлял беспокойство относительно того, что гражданская служба может стать слишком легким способом перехода «подлых»

классов в дворянское сословие. Указом от 31 января 1724 г. он предписал «в секретари не из шляхетства (дворянства) не определять, дабы потом не могли в ассесоры, советники и выше происходить» [33, с. 48].

Впоследствии механизм регулирования ограниченного доступа представителей низших классов в дворянство через государственную службу был усовершенствован. В связи с этим стоит упомянуть Указ Екатерины II 1790 г. «О правилах производства в статские чины», им устанавливалось, что право на потомственное дворянство дает лишь 8-й класс «Табели», для перевода в который недворянам надо было прослужить в чине предшествующего класса не менее 12 лет. К подобным актам следует отнести также Указ Павла I 1797 г. «О наблюдении, при избрании чиновников к должностям, старшинства мест и чинов» и издание уже при Александре, в 1801 г. так называемых чиновнопроизводственных правил.

Вышеуказанные документы в определенной мере подытожили продолжавшуюся в течение всего XVIII столетия шлифовку Табели, в части, касающейся правил поступления на службу и ее прохождения. Основным путем продвижения по службе в анализируемый период являлась выслуга лет, досрочный же перевод в высший класс был исключением из правила, как бы наградой за особые заслуги, присуждавшейся по личному решению монарха. Впрочем, верхней ступенькой для продвижения по принципу выслуги был 5-й класс; пожалование в более высокие чины производилось лишь по усмотрению императора [13].

Важную роль в становлении и формировании законодательства о государственной службе в рассматриваемый период сыграл Свод Уставов о службе, который был учрежден в 1832 г. и включал в себя три книги: 1) Свод Устава о службе по определению от правительства; 2) Свод Устава по выборам; 3) Свод Устава о пенсиях и единовременных пособиях [23]. В 1834 г. было принято «Положение о порядке производства в чины по гражданской службе» [15]. В 1896 г. был учрежден Свод Уставов о службе гражданской [24].

Завершение периода развития государственной службы Российской империи связывают с изданием 11 (23) ноября 1917 г. декрета ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов «Об уничтожении сословий и гражданских чинов», а также с принятием 16 декабря 1917 г. декрета СНК «Об уравнении всех военнослужащих в правах» [26].

Советский период (с 1917 г. до 1991 г.). Отметим, что в советское время право на равный доступ к государственной службе не получило нормативного закрепления. Советский законодатель установил лишь право на труд и принцип равноправия, который предусматривал, что «равноправие граждан СССР, независимо от их национальности и расы, во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни является непреложным законом. Какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или, наоборот, установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой и национальной принадлежности, равно как всякая проповедь расовой или национальной исключительности, или ненависти и пренебрежения — караются законом» [7].

Государственная служба в этот период позиционировалась как обычная трудовая деятельность. По определению И.Н. Пахомова, «советская государственная служба — это есть оплачиваемая по должности работа в государственном аппарате, подконтрольном Советам народных депутатов, состоящая в организации и выполнении государственного руководства социальными и экономическими процессами, в целях построения коммунистического общества» [14, с. 78]. В.М. Манохин рассматривает советскую государственную службу как одну из сторон (или частей) деятельности Советского социалистического государства по организации и правовому регулированию личного состава государственных органов и других государственных учреждений и саму деятельность этого личного состава — государственных служащих по практическому и непосредственному осуществлению задач и функций государства в целях построения социалистического и коммунистического общества» [9, с. 5].

Государственными служащими «являются советские граждане, работающие в государственных организациях, занимающие в них должности по назначению, выборам или в ином установленном законе порядке наделенные соответствующими должностными полномочиями, действующие по поручению государства в целях практического осуществления его задач, получающие определенную плату за свой труд» [3, с. 289–299].

Регулирование служебных правоотношений в части, касающейся доступа к службе в государственных учреждениях и предприятиях, советским законодателем осуществля-

лось отдельными законодательными актами [16, 4] в связи с отсутствием общесоюзного закона о государственной службе.

При приеме на службу в государственные органы и учреждения действовал так называемый «номенклатурный принцип». Крайняя политизация и идеологизированный характер служебной деятельности были основными факторами неравенства при поступлении советских граждан на службу в государственные учреждения и организации.

Постсоветский период (с 1991 г. по 2003 г.). После прекращения существования Советского Союза начинается активное реформирование государственной службы, связанное с построением в России правового государства и необходимостью обеспечить осуществление демократических прав и свобод.

Вокруг реформы государственной службы много лет лежала скрытая борьба между двумя тенденциями. Первая сводилась к осуществлению псевдореформы, которая заключалась в минимизации практических изменений или даже осуществлении шага назад путем предания максимальной легитимности привилегированному статусу бюрократической корпорации. Вторая предполагала собой подлинную модернизацию администрации, формирование ее нового типа, отвечающего нынешним потребностям страны и грядущим вызовам времени [12, с. 259].

Следствием исчезновения инфраструктуры организационно-кадровой работы, созданной партийными органами, являлся стихийный характер формирования корпуса государственных служащих [21, с. 26]. В данной ситуации возникла необходимость в создании специального государственного органа, занимающегося вопросами государственной службы. Постановлением Совета Министров РСФСР от 23 ноября 1991 г. № 16 (официально не опубликовано) был образован Департамент государственной службы РСФСР. Спустя несколько дней Указом Президента РСФСР от 28 ноября 1991 г. № 242 «О реорганизации центральных органов государственного управления РСФСР» [28] было предусмотрено образование Главного управления по подготовке кадров для государственной службы при Президенте Российской Федерации (Роскадры). Постановлением Правительства Российской Федерации от 6 марта 1992 г. № 145 (в ред. от 4 сентября 1995 г.) «Вопросы Главного управления по подготовке кадров для государственной службы при Правительстве Российской Фе-

дерации» [20] было утверждено Положение о Главном управлении по подготовке кадров для государственной службы при Правительстве РФ.

Образование и деятельность этого государственного органа заложили организационные, материально-финансовые и кадровые предпосылки для развертывания работы в области государственной службы [21, с. 12]. С деятельностью Главного управления по подготовке кадров для государственной службы при Правительстве РФ вполне обоснованно связывают первую реальную попытку реформирования института государственной службы в России.

Свидетельством назревшей необходимости в самых быстрых действиях по становлению государственной службы в новых условиях были принимаемые нормативные правовые акты [29] и законодательные инициативы. 10 июля 1992 г. был подготовлен законопроект «Основные начала государственной службы в Российской Федерации», опубликованный в Вестнике государственной службы (№ 8 за 1992 г.).

В работу по созданию новых нормативно-правовых основ государственной службы были вовлечены представители министерств и ведомств, научных и образовательных организаций. В июне 1992 г. Главным управлением по подготовке кадров для государственной службы при Правительстве РФ был проведен международный семинар по проблемам развития государственной службы с привлечением большого числа отечественных и зарубежных ученых, а также работников государственных органов.

По словам Г.В. Атаманчука, намечался комплексный подход к процессу формирования государственной службы в качестве публичного социально-правового института [1, с. 58]. Следует отметить, что данные идеи содержали в себе значительный позитивный и преобразующий потенциал.

Дальнейшее развитие государственной службы в России связывают с принятием 12 декабря 1993 г. Конституции. Основной закон страны становится фундаментом для дальнейшего развития законодательства, регулирующего данную сферу общественных отношений.

Вскоре издается Указ Президента РФ от 22 декабря 1993 г. № 2267 «Об утверждении Положения о федеральной государственной службе» [30]. В этом нормативном правовом акте получил юридическое закрепление принцип равного доступа граждан

России к государственной службе в соответствии с их способностями и профессиональной подготовкой без какой-либо дискриминации. При этом в данном документе много внимания уделялось статусным вопросам государственной службы. Отметим, что по-прежнему действовал обычный трудовой наем, характерный для государственной службы советского образца (ст. 7).

Конституцией РФ было предусмотрено, что основы государственной службы должны быть установлены федеральным законодательством. В связи с этим необходимо было принять федеральный закон, устанавливающий основы государственной службы Российской Федерации. В результате принимается Федеральный закон от 31 июля 1995 г. № 119-ФЗ «Об основах государственной службы Российской Федерации» [31] (далее по тексту — Федеральный закон № 119-ФЗ). Принятие этого нормативного правового акта сыграло огромную роль в развитии федерального законодательства о государственной службе. На уровне федерального закона получило развитие конституционное положение о равном доступе граждан к государственной службе (ст. 5).

Вместе с тем, характеризуя нормативное содержание Федерального закона № 119-ФЗ, нельзя не отметить его двойственную правообеспечивающую природу. С одной стороны, он устанавливал новые для нашего государства демократические стандарты в области государственной службы. С другой стороны — в ряде норм содержались положения, не позволявшие реализовать многие материально установленные институты прохождения государственной службы, важнейшие вопросы кадровых назначений целиком находились в пределах субъективного усмотрения руководителя государственного органа, решение многих важнейших для правоприменительной практики вопросов было отдано, по сути, на ведомственный произвол [21, с. 229]. Полагаем, что несовершенство нормативного содержания Федерального закона № 119-ФЗ и его отставание от темпов развития служебных правоотношений послужило толчком к дальнейшему совершенствованию нормативно-правовой базы государственной службы.

Современный период (с 2003 г. по настоящее время). В действующем сегодня законодательстве о государственной службе прослеживается системный подход к регулированию служебных правоотношений. Более детально регулируется процедура до-

ступа граждан на государственную службу. Подробно указанный период описан в статье автора «Становление и формирование законодательства, регулирующего доступ к государственной службе в Российской Федерации» [27].

Таким образом, можно констатировать, что проблема доступности государственной службы для населения нашего государства не теряла и не теряет своей актуальности. Становление и формирование отечественного законодательства, регулирующего эту сферу общественных отношений, происходило в рамках вышеуказанных периодов истории России. В настоящее время развитие нормативно-правового массива государственной службы в значительной мере соответствует современным тенденциям правоустановительной деятельности Российского государства.

Литература

1. Атаманчук Г.В. Сущность государственной службы: история, закон, теория, практика : монография. Изд. 2-е, доп. М., 2008.
2. Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. Т. II. Л., 1942.
3. Государственное управление и административное право / под ред. Ю.М. Козлова. М., 1978.
4. Декрет СНК РСФСР от 21 декабря 1922 г. «Временные правила о службе в государственных учреждениях и предприятиях» // Собрание узаконений РСФСР. 1923. № 1. Ст. 8.
5. Интернет-сайт «ХРОНОС». Режим доступа: <http://www.hrono.ru/dokum/1000dok/pravda72.php>
6. Ключевский В.О. Сочинения. В 8 т. Т. 6. М., 1959.
7. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. 6 декабря.
8. Лукьянцев В.П., Очередыко В.П., Сальников В.П., Соболев И.А. Общество и природа в дореволюционной России: правовой анализ : монография. СПб., 2003.
9. Манохин В.М. Советская государственная служба. М., 1966.
10. Морхат П.М. Реформа Петра I в сфере правового регулирования государственной службы: нравственный аспект // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2008. № 1. С. 36–38.
11. Оболонский А.В. Государственная служба (комплексный подход) : учебное пособие. 2-е изд. М., 2000.
12. Оболонский А.В. Государственная служба: комплексный подход : учебник. М., 2009.

13. Оболонский А.В. На службе государевой: к истории российского чиновничества. Режим доступа: <http://pavroz.ru/files/oblonkskiinaslugbe.pdf>
14. Пахомов И.Н. Советская государственная служба. Киев, 1964.
15. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1835. Т. IX. Отд. I.
16. Постановление СНК РСФСР от 27 июля 1918 г. «Об ограничении совместной службы родственников в Советских учреждениях» // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 56. Ст. 615.
17. Постановление СНК РСФСР от 16 апреля 1933 г. «Об изменении Временных правил о службе в государственных учреждениях и предприятиях» // Собрание узаконений РСФСР. 1933. № 27. Ст. 96.
18. Постановление Совмина РСФСР от 21 августа 1972 г. № 510 «Об изъятиях из правила об ограничении совместной службы родственников» // СП РСФСР. 1972. № 19. Ст. 119.
19. Постановление Президиума Верховного Совета РФ «О проекте Закона Российской Федерации «О государственной службе» № 2535/1-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 13. Ст. 683.
20. Постановление Правительства РФ от 6 марта 1992 г. № 145 (в ред. от 4 сентября 1995 г.) «Вопросы Главного управления по подготовке кадров для государственной службы при Правительстве Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 37. Ст. 3620.
21. Реформа государственной службы России: история попыток реформирования с 1992 по 2000 год. М., 2003.
22. Российское законодательство X–XX вв. М., 1988.
23. Свод законов Российской империи. 2-е изд. Т. 3. Ч. 3. СПб., 1833.
24. Свод законов Российской империи. СПб., 1897. Т. 3.
25. Слизкая В.П., Соболев И.А. Обеспечение экономической безопасности коммерческой организации: правоохранный аспект : монография. СПб., 2011.
26. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства 1917–1918 г. изд. М., 1943.
27. Трифонов В.А. Становление и формирование законодательства, регулирующего доступ к государственной службе в Российской Федерации // Юридическая наука: история и современность. 2012. № 10.
28. Указ Президента РСФСР от 28 ноября 1991 г. № 242 «О реорганизации центральных органов государственного управления РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР 1991. № 48. Ст. 1696.
29. Указ Президента РФ от 4 апреля 1992 г. № 361 «О борьбе с коррупцией в системе государственной службы» // Российская газета. 1992. 7 апреля.
30. Указ Президента РФ от 22 декабря 1993 г. № 2267 «Об утверждении Положения о федеральной государственной службе» // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1993. № 52. Ст. 5073.
31. Федеральный закон РФ от 31 июля 1995 г. № 119-ФЗ «Об основах государственной службы Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 31. Ст. 2990.
32. Чшиев Т.Г. Методические вопросы историко-правового исследования деятельности государства в области снижения негативного влияния транспорта на окружающую среду // Сборник трудов Санкт-Петербургской юридической академии. 2007. № 2–3.
33. Шепелев Л.Е. Отмененные истории. Чины, звания и титулы в Российской Империи. Л., 1977.

Концепции европейской истории права и методология историко-правовых исследований в начале XXI в.

*Полдников Дмитрий Юрьевич,
доцент кафедры теории и истории права
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»,
кандидат исторических наук, доцент
dpoldnikov@hse.ru*

В статье рассмотрен поворот в зарубежной историко-правовой науке от послевоенной концепции европейской истории права к множеству историй права в глобальной перспективе. Анализируются прежняя и новая концепции истории права, ее значение для междисциплинарного взаимодействия со смежными науками, а также отмечены первые исследовательские результаты нового подхода.

Ключевые слова: история права, Западная Европа, методология науки, право ученых, междисциплинарность, сравнительное правоведение, теория права.

Concepts of the European History of Law and Methodology of Historical and Legal Studies at the Early 21st Century

*Poldnikov Dmitriy Yu.,
Assistant Professor of the Law Theory and History Department
at National Research University Higher School of Economics,
Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor*

In this article the author examines a recent turn in European legal history from the postwar consensus to European legal history in global perspective. He explains two types of legal histories through the relevant ideological background and reviews the basic concepts. Also he evaluates the consequences of this turn for the inter-disciplinary interaction of legal historians with comparative law, anthropology, socio-legal studies, legal theory. Finally, he reviews the first results of the new approach, including the discovery of legal diversity and hybridity in European legal histories.

Key words: legal history, Western Europe, scientific methodology, learned law, interdisciplinary research, comparative law, legal theory.

В последнее время отечественные историки права проявляют несомненный интерес к подходам и методологии истории права. Одно из подтверждений тому — обсуждение правовых традиций, социального измерения права и подходов к его изучению на конференциях в формате Жидковских чтений на базе Российского университета дружбы народов. Причиной тому, по всей видимости, то переходное состояние и связанная с ним неопределенность, в котором оказались право и правовая наука «постмодерна». Очевидно, в нем находится не только российская, но и зарубежная «постклассическая» наука (пользуясь термином проректора по науке Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) В.Н. Синюкова из докладов на «Алексеевских чтениях» в Екатеринбурге

и на кафедре теории права НИУ ВШЭ в октябре 2014 г.).

Стремление актуализировать историческое знание в стремительно меняющемся мире не удивительно, ведь историки права разных стран давно отказались от роли антикваров, даже педантичных документалистов (L. von Ranke, 1824; F.W. Maitland, 1888), и в большинстве своем признают историю если не обращенной в прошлое политикой, то во всяком случае «эффективным средством» понять и объяснить настоящее (W.S. Holdsworth, 1928), связующей линией между точками развития во времени (P. Grossi, 2010).

Актуализация уже затронула базовые концепции историко-правовой науки за рубежом. В данной статье речь пойдет о том, как на современном этапе меняется понятие европейской истории по сравнению с ее послевоенным

смыслом и каким образом эти изменения поощряют междисциплинарное взаимодействие.

Целостная концепция европейской истории права начала формироваться одновременно с появлением науки истории права на романистическом фундаменте, прежде всего благодаря «Истории римского права в Средние века» (1815–1831) Ф. фон Савиньи. Однако подъем национальных и националистических настроений в XIX — первой половине XX в. ограничил перспективу исторического знания национальными границами.

Концепция европейской истории права возродилась и окончательно оформилась лишь после Второй мировой войны как одна из опор западноевропейского единства и послевоенного консенсуса «Запада» в его идейном, экономическом и военном противостоянии с «Востоком»¹. Начало европейскому историко-правовому возрождению положили такие видные европейские ученые, как Пауль Кошакер (автор книги «Европа и римское право», 1947 г.), Эрих Генцмер (инициатор проекта «новый Савиньи» по коллективному изучению истории римского права в Средние века), Франческо Калассо (основоположник современной итальянской школы изучения *ius commune*), Альваро д'Орс (испанский романист, сторонник христианской основы европейского права) и др.

Однако решающей стала позиция немецких историков права Гельмута Коинга и Франца Виакера. Оба ученых рассматривали Европу как особое пространство, в котором возникла правовая культура, отличная от остального мира. Виакер, придерживаясь взглядов Вебера, рассматривал европейскую историю как процесс рационализации права и отождествлял ее с историей права ученых (*ius commune*), постепенно вытеснявшего обычное (во многом иррациональное) право². Коинг также понимал историю права народов Европы как развитие институтов и догматики *ius commune* и придавал ей такое важное значение, что мыслил Европу как правовое сообщество (*Rechtsgemeinschaft*). Данные установки нашли отражение в фундаментальных справочных изданиях Института истории европейского права, основанного в 1964 г. для изучения правовой общности Западной Европы, а также в

одном из самых известных учебников по истории частного права Европы Виакера³.

В результате понятие европейской истории права стало самостоятельной сферой исследования, «пред-пониманием» (по герменевтике Гадамера, нем. *Vorverständnis*, англ. *pre-concept*), которое ставило перед исследователями географические, содержательные и методологические ограничения. «Европа» включала страны, озаренные «светочем» римского права (пользуясь метафорой Бюде и Савиньи). Главный смысл ее правового развития сводился к догматической истории частного права ученых. Именно оно получало выражение в доктринальной литературе Старого порядка, тогда как публичное право вплоть до второй половины XIX в. не считалось достойным научного изучения. Акцент исследований сместился на историю права Нового времени, чтобы обосновать сохранение общеевропейской правовой традиции даже после распада *ius commune* и кодификации национальных источников права. Наконец, для изучения собственно правовых источников (Свода Юстиниана, доктринальной литературы, судебных решений) требовались лишь приемы текстологической критики, дополненные представлением о развитии правовых институтов во времени.

Указанное понятие европейской истории права до сих пор находит отражение в исследованиях⁴ и учебной литературе⁵. В то же время сегодня целый ряд факторов (в т.ч. накопление исторического знания, расширение источниковой базы, изменение политической обстановки в современной Европе) все чаще побуждают исследователей задаваться вопросом о корректности послевоенного взгляда на европейскую историю права как целостную концепцию.

Главными дискуссионными площадками последних лет, на наш взгляд, стали Институт истории европейского права (Франкфурт) и Европейское общество сравнительной истории права (ESCLH). На базе института под руководством нового директора Т. Дуве с 2010 г.

¹ A patchwork of accommodations: Reflections on European legal hybridity and jurisdictional complexity / eds. D. Heirbaut, S.P. Donlan. Duncker&Humblot, 2015. P. 1.

² Wieacker F. Historiker des modernen Privatrechts / ed. Okko Behrends. Göttingen: Wallstein, 2010.

³ Wieacker F. Privatrechtsgeschichte der Neuzeit unter besonderer Berücksichtigung der deutschen Entwicklung. Göttingen, 1952 (1-е изд.), 1967 (2-е изд.).

⁴ Циммерманн Р. Римское право и европейская культура // Вестник гражданского права. 2007. № 4. Т. 7. С. 209–238.

⁵ См., например: Аннерс Э. История европейского права. М.: Наука, 1996; Hattenhauer H. Europäische Rechtsgeschichte. Aufl. Heidelberg: Müller, 2004.

регулярно обсуждаются приоритетные направления научных исследований (например, на коллоквиуме «Нормативность в Европе — Глобальные исторические перспективы», сентябрь 2013 г.)⁶. ESCLH с момента своего учреждения в 2010 г. организовало три конференции, посвященные перспективам сравнительного изучения истории права (Валенсия, 2010), новым границам и вызовам перед историками (Амстердам, 2012), традициям и изменениям (Мачерата, 2014)⁷. Кроме того, формированию нового взгляда на европейское историко-правовое пространство способствуют форумы Ассоциации молодых историков права (AYLH). В апреле 2014 г. в Кембридже состоялся XX форум, посвященный общностям права (*common laws*) в Европе. Разумеется, обсуждение новых подходов происходит и в национальных исторических сообществах. Но сам предмет требует обсуждения на международных площадках.

Хотя дискуссии о новом понятии европейской истории права далеки от завершения, уже есть основания выделить промежуточные результаты. Прежде всего, все больше ученых признают европоцентричное понятие европейской истории права не адекватным действительному процессу развития норм и институтов. Признавая правовой плюрализм в прошлом и настоящем, нельзя допускать, что только в странах Западной Европы сложилась правовая цивилизация, которую невозможно «экспортировать» в другие части Света.

Кроме того, опыт изучения прошлого показывает, что сами границы «Европы» не постоянны и не так ясны, как прежде. Рецепция римского права (или *ius commune*) происходила не одновременно и в разных пропорциях с местным правом в разных регионах Старого Света. Колониальная экспансия европейских стран в Новое время также расширила (и размывала?) границы западной правовой цивилизации. По-прежнему не решен вопрос о принадлежности Англии с ее *common law* к европейской правовой традиции. Английские историки до сих пор четко обособляют свою «островную» национальную историю от европейской, хотя в последнее время все больше данных указывают на ее тесные связи с континентом⁸.

⁶ Установочный доклад и материалы встречи доступны on-line: http://www.rg.mpg.de/publications/entanglements_in_legal_history

⁷ См. блог общества: <http://esclh.blogspot.ru/p/about-esclh.html>

⁸ Об этом см. публикации королевского профессора гражданского права в Кембридже Дэвида Иббетсона, особенно: Ibbetson D.

Также историки права в Европе все чаще высказываются за расширение предмета исследования. Помимо правовой догматики *ius commune* он должен включать:

- разные правовые традиции: университетское и обычное право, писаное и устное;
- сохранившиеся акты применения права, прежде всего постановления высших судов;
- «гибридность», многослойность правовых порядков Средневековья и Нового времени;
- широкий исторический контекст, обусловивший развитие правовых институтов.

Влиятельные ученые призывают двигаться от европейской истории к историям (!) Европы в глобальной перспективе и в зависимости от параметров исследования. Поводом к тому служит не столько современная увлеченность глобализацией, но «межнациональное» взаимодействие, которое всегда присутствовало в правовой истории и порождало ее сложное «переплетение» (англ. *entanglements*, нем. *Verflechtung*)⁹.

Конечно, усложнение предмета исторического исследования влечет за собой переосмысление прочих основных понятий. В их числе — правовая традиция, правовая революция, заимствование права (рецепция, трансплантация, аккультурация и т.п.). Обсуждение каждого из них заслуживает отдельной статьи. Но еще более насущным для современного историка становится развитие адекватной исследовательской методологии.

Несмотря на методологическую эклектику в зарубежной науке «пост-модерна»¹⁰, в последних исследованиях явственно прослеживается ведущая тенденция — междисциплинарное взаимодействие. Среди дисциплин-«партнеров» фигурируют срав-

Common Law and *Ius Commune* (Selden society lecture). London, 2001. Взгляд с континента: Zimmermann R. Der europäische Charakter des englischen Rechts // *Zeitschrift für Europäisches Privatrecht*. 1993. № 1. P. 4–50 ; Van Caenegem R.C. *European law in the past and the future: unity and diversity over two millennia*. Cambridge : University Press, 2002. P. 20.

⁹ *Entanglements in legal history: conceptual approaches* / ed. Th. Duve. Frankfurt : MPEr, 2014. P. 4. URL: http://www.rg.mpg.de/publications/entanglements_in_legal_history. См. также: Ibbetson D. *Comparative legal history. A methodology* // *Making legal history: approaches and methodologies* / eds. A. Musson, Ch. Stebbings. Cambridge : University Press, 2012.

¹⁰ Об эклектике в связи с изучением *ius commune* см. нашу статью в журнале «Вестник РУДН. Юридические науки». 2014. № 2. С. 146–153.

нительное правоведение, социология права, культурная антропология, теория права и отраслевые науки.

История права и сравнительное правоведение

Предпосылки для взаимодействия двух дисциплин возникли с момента, когда сравнительное правоведение вышло «из детства чисто текстуальных сопоставлений» нормативных актов или судебных решений и обратилось к изучению *контекста*, в котором формировались сравниваемые институты, нормы, доктрины. Компаративисты, как и историки права, сталкиваются с многообразием правовых систем, традиций, культур и добились немалых успехов в создании адекватной методологии. Так, в одном из недавних изданий по предмету М. Симс обобщил актуальные подходы в виде трехмерного графика: по вертикали — институты, по горизонтали — правовые системы, в глубину — «контекст» для того и другого (политический, экономический, религиозный, культурный и т.п.). В соответствии с графиком исследователь должен учитывать не только нормативное закрепление правового института, но и его контекстуальную обусловленность в разных юрисдикциях¹¹. Следствием широкого взгляда на сравнение становятся международные проекты по изучению «общего ядра» частного права с помощью функционального подхода¹².

Историки права в Европе могут использовать методологические достижения компаративистов, прежде всего дабы развеять стереотип о праве как изолированной сфере исследования. Также сравнение помогает исторiku различать сходное и различное, «автохтонное» и заимствованное, повторяющееся и особенное.

По меткому замечанию А. Ватсона, заимствование чужого права — одна из главных движущих сил развития собственного¹³. Это особенно верно в отношении Европы, где в силу географической близости многообразных этносов и культур взаимовлияние происходило интенсивно с давних пор. Вероятно, здесь кроется объяснение ранних опытов средневековых правоведов в сравнении источников

¹¹ Siems M. *Comparative law*. Cambridge: University Press, 2014. Рис. 1.1.

¹² Об одном из наиболее успешных см.: <http://common-core.org>. См. также наш обзор общего собрания участников проекта в 2011 г.: <http://www.law.msu.ru/node/17833>

¹³ Watson A. *Legal transplants: An approach to comparative law*. 2nd ed. Athens, 1993.

права (сравнение до сравнительного правоведения, начиная со школы комментаторов с середины XIII в.).

В подтверждение призыва к взаимной поддержке двух дисциплин¹⁴ историки права активно перенимают методологию компаративистов. Подтверждением тому служат различные успешные начинания в сфере сравнительной истории права. В том числе:

— посвященные данной проблематике конференции (помимо мероприятий ESCLH, также коллоквиум «От сравнения к сравнительному правоведению: взгляд историка» (Париж, май 2015);

— издаваемый ESCLH с 2014 г. журнал «Comparative legal history» (Hart Publishing);

— целенаправленная разработка методологии сравнительной истории права;

— публикации первых результатов таких исследований.

Во многом благодаря активному использованию сравнительного подхода в истории в последние годы удалось раскрыть «гибридность» правовых систем европейских стран¹⁵, расширить границы европейской истории, показав влияние континентального права на английское common law¹⁶ и право регионов Восточной Европы¹⁷.

История и антропология, социокультурные, религиозные исследования

Взаимодействие с антропологами и культурологами позволило некоторым историкам «погрузить» правовые понятия в общекультурный контекст эпохи, показать существование разных типов права в Европе¹⁸, не только рационального ius commune, но и неписаную «всеобщую связь людей» раннего Средневековья (А.Я. Гуревич), которую еще три десяти-

¹⁴ Gordley J. *Comparative law and legal history // Oxford Handbook of Comparative Law*. Oxford: University Press, 2006. P. 768.

¹⁵ A patchwork of accommodations: Reflections on European legal hybridity and jurisdictional complexity / eds. D. Heirbaut, S.P. Donlan. Berlin: Duncker&Humblot, 2015.

¹⁶ Ibbetson D. *Common Law and Ius Commune*; Gordley J. *The common law in the 20th century: some unfinished business // California Law Review*. 2000. № 88. P. 1817.

¹⁷ Hamza G. *Entstehung und Entwicklung der modernen Privatrechtsordnungen und die römischrechtliche Tradition*. Budapest: UniVerlag, 2009.

¹⁸ Рулан Н. *Историческое введение в право / пер. с фр. М. : Nota Bene, 2005.*

летия назад юристы отказывались признавать частью западной традиции права (Г. Берман). Более того, известные ученые считают своей обязанностью исследовать неписаное (обычное) право в умах европейцев¹⁹.

К числу перспективных и малоисследованных областей относится влияние на право смежных нормативных систем — морали, религии. Вполне успешными стали исследования П. Проди и В. Декока о влиянии христианской морали позднего Средневековья и раннего Нового времени на осмысление договорных отношений²⁰. Однако обращение к данной сфере таит в себе опасность размывания правовой терминологии и концепций.

Таково, к примеру, исследование профессора антропологии Лондонской школы экономики Д. Гребера, заслужившее признание коллег и награду Общества культурной антропологии (2012), но прохладно встреченное историками права. Автор представил эволюцию моральных оценок долговых отношений в разных цивилизациях за минувшие пять тысяч (!) лет и попытался сделать значимые выводы для правовой истории данного института, не работая ни с нормативными памятниками, ни с актуальной юридической литературой, отбросив как «экзотику» специфические правовые проблемы долговых отношений²¹.

История и теория права

Взаимодействие истории и теории права, несмотря на вероятную плодотворность, пока находится скорее в сфере желательного, нежели сущего. Как показала недавняя встреча специалистов обеих дисциплин на очередной конференции Международной ассоциации философии права и социальной философии (IVR), обе стороны в настоящий момент пренебрегают общением («Legal Theory and Legal History: A neglected dialogue» (Лондон, апрель 2013)²².

В то же время историки права признают, что не в состоянии обойтись без использования концепций, понятных современным юристам, коль скоро речь идет об «эффективном

средстве» объяснить настоящее. Историк права «переводит» понятия прошлого для своих современников, а профессиональный лексикон современного юриста по-прежнему формирует теория права.

Кроме того, историку права необходима определенная теория изменения, адаптированная для нужд изучения правовых институтов (Q. Skinner), в отличие от теории всеобщей истории (R. Koselleck, O. Oexle). Такая теория должна оказывать содействие в раскрытии различных перспектив на феномен права, интегрируя опыт прочих юридических и смежных с ними наук.

Также теоретико-правовые знания историка необходимо учитывать для рефлексии и корректировки предвзятого отношения к первоисточникам. Ведь именно юридическая подготовка историка права в значительной мере определяет его взгляд на прошлое. Скажем, университетское образование немецкого юриста побуждает его рассуждать о развитии доктрин и их влиянии на действующее право. Английский же историк основное внимание уделит изучению судебных решений (особенно ключевых).

История права и отраслевые науки

Наконец, нельзя не упомянуть о соотношении истории права и отраслевых наук. Как и в случае с теорией права, их плодотворное взаимодействие по большей части остается гипотетическим. Лишь отдельные энтузиасты выступают за возрождение исторически мыслящей догматики (P. Grossi, F. Marinelli, E. Picker), неопандектистики (R. Zimmermann)²³. В реальности почву для такого взаимодействия (как и для критического мышления) выбивает из-под ног реформа юридического образования, из которого постепенно исключаются и исторические, и теоретические предметы²⁴, а историческое знание низводится до уровня обязательной вводной иллюстрации к догматической работе.

В представлении энтузиастов исторически мыслящей догматики отраслевые науки должны дать историку представление о современном состоянии изучаемых институтов, а он в свою очередь раскроет юристам линию развития. Однако такое взаимодействие таит в себе ряд опасностей. Среди них — превращение

¹⁹ Heirbaut D. Exploring the law in medieval minds // Making legal history. P. 118–130.

²⁰ Prodi P. Settimo non rubare. Bologna : Mulino, 2009. Гл. 6 ; Decock W. Theologians and contract law (ca. 1500–1650). Leiden : M. Nijhoff, 2012.

²¹ Graeber D. Debt, The first 5000 years. Melville, 2011. См. рецензию в Comparative legal history. 2014. № 2 (2). P. 349–353.

²² По итогам конференции издан сборник материалов: Legal theory and legal history / eds. M. Del Mar; M. Lobban. Burlington: Ashgate, 2014.

²³ Рудоквас А.Д. Неопандектистика и европейское право (Вступительное слово к дискуссии) // Древнее право. 2005. № 1 (15). С. 146–155.

²⁴ Тезисно о современном немецком опыте см.: Stolleis M. Zur kritischen Funktion der Rechtsgeschichte. 2012. URL: <http://www.humboldtforum-recht.de/deutsch/5-2012/index.html>

истории в «служанку» догматики, ограничение предмета исторического исследования только тем, что имеет значение для разъяснения действующего права, модернизация представлений о правовых институтах прошлого и, конечно, сужение методологического арсенала до приемов текстологической экзегезы. Но оборотной стороной исследования прошлого, свободного от запросов догматики, становится прогрессирующая маргинализация исторического знания.

Какое же значение описанные в статье дебаты имеют для отечественного ученого? Во-первых, есть повод задуматься о содержании «европейских историй», изучая их профессионально или для целей подготовки учебных курсов. Новейшие зарубежные публикации могут обогатить, разнообразить, скорректировать наше видение становления и развития правовых институтов стран Западной Европы, которое до сих пор основывается на исследованиях в духе Ф. Виакера и Г. Коинга.

Во-вторых, формирующаяся концепция европейской истории открывает перспективы для включения в нее отечественного опыта. Ведь в недавно открытом «переплетении» историй есть и российский «след». Географическое соседство и многообразные культурные связи обусловили влияние «европейских историй» на отечественное право, законодательство, науку, идеологию. Разумеется, речь не о слепом копировании, а о заимствовании, переосмыслении, переработке, изучение которых значимо именно для отечественных историков, а не их зарубежных коллег.

В-третьих, актуализация методологии зарубежной историко-правовой науки вполне заслуживает пристального внимания российских ученых. Ведь и им надлежит стремиться к тому, чтобы результаты их исследований были поняты и востребованы как можно более широкой частью юридического сообщества.

Наконец, в-четвертых, обновление методологии и исследовательской проблематики не означает отказ от формулировки и решения собственных историко-правовых задач. Для этого требуется сохранять и развивать особый концептуальный аппарат, терминологию, а также критерии, позволяющие определять предмет исследования.

Литература

1. Аннерс Э. История европейского права. М. : Наука, 1996.
2. Зиновьев А.А. Запад. Феномен западнизма. М. : Центрполиграф, 1995.
3. Полдников Д.Ю. О правовой традиции *ius commune* как предмете историко-правовой науки // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2014. № 2. С. 146–153.
4. Рудоквас А.Д. Неопандектистика и европейское право (Вступительное слово к дискуссии) // Древнее право. 2005. № 1 (15). С. 146–155.
5. Рулан Н. Историческое введение в право / пер. с фр. М. : Nota Bene, 2005.
6. Циммерманн Р. Римское право и европейская культура // Вестник гражданского права. 2007. № 4. Т. 7. С. 209–238.
7. A patchwork of accommodations: Reflections on European legal hybridity and jurisdictional complexity / eds. D. Heirbaut, S.P. Donlan. Duncker&Humblot, 2015.
8. Decock W. Debt: The first 5000 years // Comparative legal history. 2014. № 2 (2). P. 349–353.
9. Decock W. Theologians and contract law (ca. 1500–1650). Leiden: M. Nijhoff, 2012.
10. Entanglements in legal history: conceptual approaches / ed. Th. Duve. Frankfurt : MPIeR, 2014.
11. Gordley J. Comparative law and legal history // Oxford Handbook of Comparative Law. Oxford : University Press, 2006. P. 753–773.
12. Gordley J. The common law in the 20th century: some unfinished business // California Law Review. 2000. № 88. P. 1815–1875.
13. Graeber D. Debt: The first 5000 years. Brooklyn, N.Y. : Melville House, 2011.
14. Hamza G. Entstehung und Entwicklung der modernen Privatrechtsordnungen und die römischrechtliche Tradition. Budapest : UniVerlag, 2009.
15. Hattenhauer H. Europäische Rechtsgeschichte. Aufl. Heidelberg : Müller, 2004.
16. Heirbaut D. Exploring the law in medieval minds // Making legal history. P. 118–130.
17. Ibbetson D. Common Law and *Ius Commune* (Selden society lecture). London, 2001.
18. Ibbetson D. Comparative legal history: a methodology // Making legal history: approaches and methodologies / eds. A. Musson, Ch. Stebbings. Cambridge : University Press, 2012.
19. Legal theory and legal history / eds. M. Del Mar; M. Lobban. Burlington : Ashgate, 2014.
20. Prodi P. Settimo non rubare. Bologna : Mulino, 2009.
21. Siems M. Comparative law. Cambridge : University Press, 2014.
22. Van Caenegem R.C. European law in the past and the future: unity and diversity over two millennia. Cambridge : University Press, 2002.
23. Watson A. Legal transplants: An approach to comparative law. 2nd ed. Athens, 1993.
24. Wieacker F. Historiker des modernen Privatrechts / ed. Okko Behrends. Göttingen: Wallstein, 2010.

25. Wieacker F. Privatrechtsgeschichte der Neuzeit unter besonderer Berücksichtigung der deutschen Entwicklung. Göttingen, 1952 (1-е изд.), 1967 (2-е изд.).

26. Zimmermann R. Der europäische Charakter des englischen Rechts // Zeitschrift für Europäisches Privatrecht. 1993. № 1. P. 4–50.

Характерные черты средневекового права Западной Европы

*Федоров Алексей Николаевич,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Челябинского государственного университета,
кандидат исторических наук
alex_boss@list.ru*

Российское правоведение до сих пор не располагает характеристикой средневекового права, приемлемой для решения научных и учебных задач. В данной статье рассматриваются основные параметры средневекового права Западной Европы и формулируются его наиболее типичные черты.

Ключевые слова: средневековое право, феодальное право, правовой статус, партикуляризм права, обычай.

Characteristic Features of the Medieval Law of the Western Europe

*Fedorov Aleksey N.,
Assistant Professor of the State and Law Theory and History Department
at the Chelyabinsk State University,
Candidate of Historical Sciences*

Russian jurisprudence still has no characteristic of medieval law suitable for the solution of scientific and educational problems. In this article the basic parameters of the medieval law of Western Europe are considered and its most typical features are formulated.

Key words: medieval law, feudal law, legal status, particularism of law, custom.

В последние годы возросло количество публикаций по средневековому праву Западной Европы. Подавляющая их часть посвящена узким вопросам, и не всем авторам, к сожалению, удастся вписать «свой» сюжет в общую картину и сполна раскрыть содержание изучаемого феномена. Одной из причин этого является отсутствие устоявшейся общей характеристики средневекового права. А между тем отечественные правоведа уделили ей немало внимания.

Дореволюционные правоведа изучали средневековое право в русле противопоставления римского права (универсального, развитого) и германского права (примитивного, опиравшегося на обычай, дробившегося по этническому, территориальному и сословному признаку)¹. Лишь П.Г. Виноградов предложил изучать средневековое право как «соединение

канонического и феодального права», тесно связанное с римским². В советском правоведении усилиями Н.Г. Александрова и его последователей был обозначен круг особенностей феодального права, в который вошли «кулачное право», партикуляризм, иерархичность, религиозная оболочка права, преимущественное регулирование поземельных отношений, рецепция римского права³. Произвольность и очевидную несуразность данного списка подметили еще в начале 1980-х годов, но дальше

кий И.А. История римского права. СПб., 1998. С. 268–269.

² Марей А.И. К осмыслению рецепции римского права: формирование *ius commune* в Западной Европе в XII–XIV вв. // Государство и право. 2012. № 5. С. 97.

³ См.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Исторические типы государства и права / отв. ред. В.Е. Гулиев. М., 1971. С. 231–239, 246.

¹ См.: Муромцев С. Рецепция римского права на Западе. М., 1886. С. 10–16 ; Покровс-

замечаний не двинулись⁴. Плюрализм 1990-х открыл возможность для разработки и применения иных исторических типологий права. Сторонники либертарно-юридической концепции выделили четыре типа права (этническое, сословное, индивидуалистическое, гуманитарно-правовое), но их развернутого описания до сих пор не предложили⁵. Приемлемой исторической типологии права не представили и последователи цивилизационного подхода⁶. Более или менее обоснованную характеристику в последнее десятилетие изложили только отдельные исследователи.

С позиций формационного подхода к задаче подошел Ю.В. Качановский. Он выделил такие особенности феодального права: принцип права-привилегии; прямая связь права с применением силы (юридическое признание насилия в форме самосуда, судебного поединка и частных войн); неопределенность норм, связанная с преобладанием неписаного права; территориальный и сословный партикуляризм⁷. Несомненно, сей перечень совершеннее того, что бытовало в советском правоведении, поскольку не включает второстепенные признаки, а также то, что следует отнести к правовым явлениям (рецепция права). Но здесь сохраняется спорная идея о тесной связи феодального права с насилием (о роли «кулачного права» пока остается только гадать), а особенность структуры феодального права усматривается исключительно в его дробности.

Т.В. Кашанина, по всей видимости, придерживается цивилизационного подхода, поскольку различает в развитии права этапы детства, юношества и зрелости. «Юношество» она относит к IX–XV векам и называет сословным или корпоративным правом, чаще употребляя второй термин. Отмечая, что право в средние века не было «основным средством социального регулирования» (эту роль играли религиозные нормы), Т.В. Кашанина разбирает его отдельные системы (феодальное, манориальное, каноническое, городское, гильдейское и торговое). Подвергнув анали-

зу предмет, содержание, форму и правосудие, она выделила следующие группы черт: фрагментарность (право не охватывало все стороны жизни) и неуниверсальность (регулируемые отношений только внутри корпорации); декларативность, казуальность и несистемность правовых норм; сосуществование устной и письменной формы, несистематизированность источников, частный характер большинства норм; неформальный характер судопроизводства, дефицит рациональных доказательств⁸. Этот вариант весьма обстоятелен, но содержит ряд взаимоисключающих характеристик и совершенно не учитывает существование таких систем как каноническое, королевское (имперское) и римское право. Поэтому говорить о полноценной характеристике средневекового права не приходится.

А.Я. Гуревич, занимавшийся культурой средневековья, подчеркивал, что право — «одна из универсалий средневекового сознания, в системе которого она выполняла роль всеобщего регулятивного принципа социальной жизни», в силу чего «распространялось на самые различные сферы бытия — от религии и магии до отношения к природе»⁹. Исходя из того, что средневековое общество было традиционным, основные черты его права культуролог усматривает как раз в традиционности и высокой степени ритуализированности, необходимой для закрепления норм в коллективной памяти. Он отметил также многообразие («не существовало права, одинакового для всех жителей страны») и неполноту права, проистекавшую не от низкой юридической техники или ограниченного применения правовых норм, а от преобладания обычая, «который не стремится к абсолютной упорядоченности жизни»¹⁰.

Необычный подход к средневековому праву предложил и А.В. Марей. Вслед за П.Г. Виноградовым он рассматривает правовую систему Западной Европы XII–XVIII вв. как сочетание «общего права», представлявшего собой переплетение римского и канонического права, и феодального права, т.е. правовых систем королевств и прочих сеньорий. А связь между системами, единое правовое поле обеспечила «ординарная глосса», сопровождавшая тексты римского, канонического и феодально-

⁴ См.: Ушаков А.А. О понятии исторического типа государства и права // Правоведение. 1983. № 5. С. 24.

⁵ См.: Четвернин В.А. Введение в курс общей теории права и государства. Учебное пособие. М., 2003. С. 126.

⁶ См.: Звонарева О.С. О цивилизационном подходе в теории государства и права // Известия вузов. Правоведение. 2003. № 4. С. 174–175.

⁷ Качановский Ю.В. Феодальное право Западной Европы : учебное пособие. Хабаровск, 1997. С. 5, 21–28.

⁸ См.: Кашанина Т.В. Происхождение государства и права. Учебное пособие. М., 2004. С. 286–291.

⁹ Гуревич А.Я. Право // Словарь средневековой культуры. М., 2003. С. 381, 385.

¹⁰ Гуревич А.Я. Указ. соч. С. 383–384.

го права¹¹. А.В. Марей не приводит развернутой характеристики средневекового права, хотя указывает специфику его структуры — взаимодействие различных правовых систем. И тем самым он не только ставит под сомнение уместность термина «партикуляризм», но призывает пересмотреть взгляды на средневековое право.

Из представленного обзора видно, что методологически обоснованной, терминологически выверенной и лаконичной характеристикой права средневековой Западной Европы отечественное правоведение пока что не располагает. И эта статья призвана хоть в какой-то мере заполнить пробел.

Прежде всего определимся с рабочим термином. Из распространенных в историко-правовой литературе терминов — «феодалное право», «средневековое право», «сословное право» — наиболее приемлемым считаем второй. Сейчас медиевисты интерпретируют феодализм как совокупность взаимосвязанных подсистем (социально-правовой и политической структур, духовной жизни), каждая из которых может «оказывать определяющее влияние на структуру в целом и друг на друга»¹². Это оправдывает использование термина «феодалное право» для обозначения типа права, но может возникнуть путаница, поскольку его нередко употребляют в узком смысле, для обозначения правовой системы, регулирующей феодалное держание и вассально-ленные отношения. Поэтому интересующий нас тип права разумнее именовать «средневековым». При этом средневековое право считаем не самостоятельным типом, а разновидностью, подвидом права традиционной эпохи (обычного права)¹³.

Важно обозначить параметры, рассмотрение которых позволит выявить специфику средневекового права. Л.П. Рожкова типологическими признаками признавала структуру объекта, характер его взаимодействия со средой и генетическую обусловленность¹⁴. В отношении права такие признаки, на наш взгляд,

указал Г.И. Муромцев: характер правопонимания и структура права¹⁵. Но, учитывая, что правопонимание прослеживается в представлениях о предмете права и участниках правовых отношений, а структура права увязана с источниками, внимание обратим на предмет, субъект, структуру и форму.

Действие права в средние века не ограничивалось общественными отношениями в современном понимании, распространяясь и на нечеловеческие сферы жизни (мир животных, сверхъестественных сил). Не удивительно, что средневековая мысль из свойств права особо выделяла «универсальность», способность «урегулировать любое отношение». При этом богословские и юридические доктрины пытались от бытовых представлений о том, что «всякий род живых существ и даже вещей имеет свое собственное право»¹⁶. На практике подобная «универсальность» проявилась в таких феноменах как привлечение к юридической ответственности животных, судебное преследование ведьм и умерших людей. Последний феномен иллюстрирует, например, наказание в 1660 г. инициаторов казни Карла I, уже умерших к тому времени. Обычно оно подается как варварство и беззаконие: трупы О. Кромвеля и его соратников извлекли из могил, повесили, обезглавили, выставили на обозрение. Но это — типичное для средневековой Англии наказание за государственную измену, назначаемое не только живым, но и умершим, поскольку за ними в ту эпоху еще признавалась некоторая правоспособность¹⁷.

Очевидно, что «универсальность» средневекового права проистекала из религиозного мировоззрения. И «тесная связь» права с религией была глубже и многогранней, чем ее представляют в учебной и даже научной литературе (заимствование норм, каноническое право). Из российских исследователей это убедительно показала О.И. Тогоева, доказавшая насыщенность французского правосудия XIV–XV вв. христианскими мотивами, символикой и ритуалами¹⁸. Однако универсальность не означала, что нормы права охватывали все случаи жизни. В этом отношении оно как раз

¹¹ См.: Марей А.В. К осмыслению феномена рецепции римского права: формирование *ius commune* в Западной Европе в XII–XIV вв. // Государство и право. 2012. № 5. С. 96–102.

¹² Хачатурян Н.А. Общественная система и принцип относительности. К вопросу о содержании концепт-явления «феодализм» // Средние века. 2007. Вып. 68. № 1. С. 21.

¹³ См.: Муромцев Г.И. О некоторых аспектах структуры права // Структура права. М., 2005. С. 28–32.

¹⁴ См.: Рожкова Л.П. Принципы и методы типологии государства и права. Саратов, 1984. С. 21–22.

¹⁵ См.: Муромцев Г.И. Указ. соч. С. 28.

¹⁶ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 149.

¹⁷ См.: Хатунов С.Ю. Преступление и наказание в средневековой Англии (англосаксонский, англо-нормандский, анжуйский периоды). М., 2003. С. 245–253.

¹⁸ См.: Тогоева О.И. «Истинная правда»: языки средневекового правосудия. М., 2006. С. 40–43, 180–186.

было фрагментарным. Только считать неполноту существенной чертой средневекового права не стоит, поскольку при необходимости она преодолевалась «воспоминанием» обычая, прецедентом и королевским законотворчеством. В той же Англии недостаток правового регулирования имущественных отношений восполнили складыванием и развитием права справедливости и института траста.

Традиционный тип общества обусловил субъект средневекового права: сообщество, в котором человек «реализовывал свою собственность, свой труд, политические права»¹⁹. В «варварских правдах» правовой статус человека определяет принадлежность к племени и общине. По «Саксонскому зеркалу» правоспособность зависит уже от веры, племени, «сословия» и родства. Если учесть, что этническая идентификация дополнялась территориальной и политической, и существовало множество корпораций (сельские и городские общины, цехи, гильдии, сословия и т.д.), то закономерен вывод о сложном правовом статусе индивида. Любой человек состоял в нескольких сообществах и поэтому обладал рядом правовых статусов, которые порой причудливо сочетались. Эту особенность иллюстрируют прерогативы королевской власти, происходившие из разных правовых оснований. Божественная прерогатива (защищать и судить верующих) принадлежала королю как христианину, ординарная (управлять страной) исходила из связи правителя с народом, а феодальная (право требовать от вассалов службы и помощи) предполагала принадлежность государя к благородному сословию²⁰.

Каждое сообщество имело свое право. В отечественной литературе это явление называют «партикуляризмом права» или «правовым партикуляризмом», обычно не раскрывая содержания этого термина. Обычно негласно ссылаются на определение БСЭ: «пестрота и разнообразие правовых систем провинций, княжеств и городов в рамках одного государства». Предлагались и другие определения: «отсутствие в феодальном государстве единой правовой системы, построенной на основе единых принципов, четко подразделяемой на отрасли»; «устойчивое сословное и территориальное деление права (ленное, городское,

земское), отсутствие целостной национальной системы права»²¹. Но в них заметны несоответствия. Во-первых, акцент делается на отсутствие единого права в государстве, хотя в средневековой Западной Европе государства в современном понимании не было: имелось множество субъектов политической власти, а сами властные отношения носили частноправовой, а не публичный характер²². Во-вторых, партикуляризм сводится к сумме территориальных и сословных правовых систем, якобы обособленных друг от друга. В реальности местные системы плотно взаимодействовали с корпоративным, каноническим и королевским правом, а римское право содействовало этому. Поэтому и следует говорить не о раздробленности, а о сочетании местных, корпоративных, территориальных, общеевропейских правовых систем. И их взаимодействие не стоит сводить к конфликту или симбиозу: были и точки соприкосновения, и линии противодействия, а границы между системами были подвижны²³. В качестве альтернативы «партикуляризму» предлагают термин «полиюридизм» (правовой плюрализм) — сосуществование нескольких правовых систем²⁴. Но он уместен, только если речь идет о правовых системах одного уровня (местных и территориальных), а в нашем случае речь идет о разноуровневых системах.

Каждой правовой системе средневековой Европы были свойственны свои источники. В учебной литературе упоминаются обычай, законодательные акты королей (закон), нормы канонического права и римское право. Но относить к источникам два последних ошибочно: это правовые системы, хотя их нормы и доктрины действительно широко применялись в других системах. Недопустимо также забывать о договоре (вассальный договор, жалованные грамоты, хартии), игравшем заметную роль в феодальном, городском, торговом праве. Поэтому источниками средневекового права следует считать обычай, религиозную

¹⁹ Хачатурян Н.А. Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М., 2008. С. 32.

²⁰ См.: Томсинов В.А. Прерогативы королевской власти в Англии в первые десятилетия XVII века и Петиция о праве 1628 года // Проблемы истории государства и права: сборник научных трудов. М., 2009. С. 76–92.

²¹ Качановский Ю.В. Указ. соч. С. 27; Прудников М.Н. История государства и права зарубежных стран: учебник для бакалавров. 6-е изд. М., 2013. С. 779.

²² См.: Хачатурян Н.А. Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М., 2008. С. 9–11, 162–178.

²³ См. напр.: Пашков Е.В. Каноническое право средневековой Европы: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2002. С. 6–7.

²⁴ См.: Канаев А.Г. К вопросу о полиюридизме в средневековом праве // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2010. № 4. С. 114–117.

норму, закон (публичные акты светских и духовных правителей), договор, прецедент, доктрину. Однако для большинства правовых систем основным источником был обычай, что неудивительно, поскольку средневековое право можно рассматривать как разновидность обычного права. На обычай опиралось и королевское право, которое, как правило, противопоставляют остальным системам. «Кютюмы Бовези» указывают, что обычай — основа правопорядка, и королевская власть защищает его. В «Каролине» он также признан источником права, хотя император мог искоренять «дурные» обычаи. И только в XVI–XVII вв., с возникновением современного государства, обычай уступает первенство закону, акту королевской власти и/или законодательного органа. К тому же сами средневековые правоведы выстраивали свои представления об источниках права, опираясь на понятие «обычай»²⁵.

Представленный разбор не является исчерпывающим, но позволяет обозначить следующие характерные черты средневекового права Западной Европы. Во-первых, универсализм права, т.е. регулирование им широкого круга отношений (человеческих, с животными и сверхъестественными силами). Во-вторых, коллективный субъект права в форме общины, корпорации, этнического или политического сообщества, в чьих рамках человек реализовывал свои права и обязанности. В-третьих, сложное взаимодействие разноуровневых (местных, корпоративных, территориальных, европейских) правовых систем, следствием чего, в частности, являлся сложный правовой статус индивида. В-четвертых, многообразие источников права (обычай, религиозная норма, закон, договор, прецедент, правовая доктрина) при ведущей роли обычая в большинстве правовых систем европейского средневековья.

Литература

1. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972. 318 с.
2. Гуревич А.Я. Право // Словарь средневековой культуры. М., 2003. С. 381–386.
3. Звонарева О.С. О цивилизационном подходе в теории государства и права // Известия вузов. Правоведение. 2003. № 4. С. 173–180.
4. Канаев А.Г. К вопросу о полиюридизме в средневековом праве // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2010. № 4. С. 114–117.
5. Качановский Ю.В. Феодалное право Западной Европы : учебное пособие. Хабаровск, 1997. 68 с.
6. Кашанина Т.В. Происхождение государства и права. Учебное пособие. М., 2004. 325 с.
7. Котляр И.А. Jus commune («общее право») и «генеральный обычай» против «специального обычая» и «давности» в европейском «ученом праве» в XII–XIV вв. // История государства и права. 2011. № 11. С. 21–24.
8. Марей А.И. К осмыслению рецепции римского права: формирование ius commune в Западной Европе в XII–XIV вв. // Государство и право. 2012. № 5. С. 96–102.
9. Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Исторические типы государства и права / отв. ред. В.Е. Гулиев. М., 1971. 640 с.
10. Муромцев Г.И. О некоторых аспектах структуры права // Структура права. М., 2005. С. 2–60.
11. Муромцев С. Рецепция римского права на Западе. М., 1886. 150 с.
12. Плешков Е.В. Каноническое право средневековой Европы : дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2002. 192 с.
13. Покровский И.А. История римского права. СПб., 1998. 560 с.
14. Прудников М.Н. История государства и права зарубежных стран : учебник для бакалавров. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2013. 811 с.
15. Рожкова Л.П. Принципы и методы типологии государства и права. Саратов, 1984. 252 с.
16. Тогоева О.И. «Истинная правда»: языки средневекового правосудия. М., 2006. 333 с.
17. Томсинов В.А. Прерогативы королевской власти в Англии в первые десятилетия XVII века и Петиция о праве 1628 года // Проблемы истории государства и права : сборник научных трудов. М., 2009. С. 76–92.
18. Ушаков А.А. О понятии исторического типа государства и права // Правоведение. 1983. № 5. С. 24–31.
19. Хатунов С.Ю. Преступление и наказание в средневековой Англии (англосаксонский, англо-нормандский, анжуйский периоды). М., 2003. 323 с.
20. Хачатурян Н.А. Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М., 2008. 313 с.
21. Хачатурян Н.А. Общественная система и принцип относительности. К вопросу о содержании концепт-явления «феодализм» // Средние века. 2007. Вып. 68. № 1. С. 6–35.
22. Четвернин В.А. Введение в курс общей теории права и государства. Учебное пособие. М., 2003. 204 с.

²⁵ См.: Котляр И.А. Jus commune («общее право») и «генеральный обычай» против «специального обычая» и «давности» в европейском «ученом праве» в XII–XIV вв. // История государства и права. 2011. № 11. С. 21–24.

Свобода выбора и злоупотребление правом (на примере свободы совести и вероисповедания в современной России)

*Мордовцева Татьяна Васильевна,
профессор кафедры гуманитарных дисциплин
Таганрогского института управления и экономики,
доктор культурологии, профессор,
кандидат философских наук
mtvtaganrog@yandex.ru*

В статье раскрывается понятие злоупотребления правом и дается философское обоснование его связи со свободой выбора. Рассматриваются примеры злоупотреблений в сфере публичного и частного права в связи с нарушениями свободы совести и вероисповедания.

Ключевые слова: свобода совести и вероисповедания, злоупотребления правом, правомерное поведение, противоправное поведение.

Freedom of Choice and Abusing the Right (by example of the Freedom of Conscience and Religion in the Modern Russia)

*Mordovtseva Tatyana V.,
Professor of the Humanitarian Disciplines Department
at the Taganrog Institute of Management and Economics,
Doctor of Culturology, Professor,
Candidate of Philosophical Sciences*

The article deals with the concept of abuse of rights and gave philosophical justification of its relationship with freedom of choice. The examples of abuse in the area of public and private law in connection with violations of the freedom of conscience and religion are considered.

Key words: freedom of conscience and religion, abuse of right, lawful behavior, wrongful conduct.

В современной юридической науке нет однозначного мнения относительно использования термина «злоупотребление правом», его отраслевой принадлежности и даже обоснованности его правовой природы. В основном исследователи делятся на тех, кто признает наличие достаточных юридических признаков у категории «злоупотребление правом» и тех, кто их отрицает. Среди последних можно упомянуть С.Н. Малеина, уверенного, что злоупотребление правом не может быть отнесено ни к общей норме права, ни к продуктивной научной и теоретической идее, поскольку «возможно одно из двух: если субъект действует в границах принадлежащего ему права — и тогда он не злоупотребляет своим правом, или он выходит за пределы, установленные законом, и таким образом, нарушая закон, не злоупотребляет правом, а совершает элементарное правонарушение, за которое должна следовать ответствен-

ность»¹. Несмотря на столь четкую позицию, понятие злоупотребления все же используется в различных отраслях права, где имеются такие нормы, как «злоупотребление должностным положением», «финансовые злоупотребления», «злоупотребление правом на проведение агитации» и т.д.

В контексте исследуемой темы злоупотребление правом приобретает особое теоретическое и практическое значение, поскольку здесь вопросы права, философии и морали находятся в тесной взаимосвязи. Сущностная основа злоупотребления правами заключается в конфликте между внешне правильным использованием лицом своих правовых возможностей и в принципе аморальным антиобщественным поведением. Достаточно отметить, что этимологическое значение слова «злоупотребление» отсыла-

¹ Малеин Н.С. Юридическая ответственность и справедливость. М., 1992. С. 160.

ет к анализу философских категорий зла, добра, справедливости, должного, т.е. к системе понятий, на которых основан дух закона. Вероятно, именно эта сверхидея права и закона обусловила появление позиции, согласно которой злоупотребление правом должно находиться в сравнительном ряду типов правового поведения — правомерного и противоправного.

Как писал Жан-Луи Бертель о соотношении «буквы» и «духа» права, «есть случаи, когда какие-то лица по форме соответствуют существующей правовой системе, но, придавая своим действиям полную видимость юридической правильности, на самом деле используют свои права, отдельные правила или институты в целях, противоположных тем, которые преследуются позитивным правом. То есть они следуют букве права, но нарушают его дух. Поэтому именно дух права должен быть в центре внимания, поскольку дух есть синоним естественной направленности или конечных целей, на которых основывается любая юридическая система»². Продолжая эту мысль, он утверждает, что за такие формы поведения, которые не нарушают «буквы» объективного права, но противоречат духу права, следует наказывать, поскольку они связаны с правовым злоупотреблением и мошенничеством.

Отталкиваясь от этого и других подходов к определению злоупотребления правом, современный российский правовед А.А. Малиновский отмечает, что исследование злоупотребления правом должно осуществляться не только с помощью традиционных критериев «правомерности-неправомерности», но также и с точки зрения цели права, возможности его использования во вред общественным отношениям, осуществления в противоречии с его назначением»³. Он вводит критерии квалификации деяния как злоупотребления правом, признавая при этом, что вопросы квалификации, при отсутствии четких признаков злоупотребления в качестве общей нормы права, вызывают серьезные сложности, но не исключают теоретического интереса к данной проблеме.

По мнению А.А. Малиновского, для того, чтобы установить, является ли конкретное деяние злоупотреблением правом, необходимо утвердительно ответить на следующие вопросы: 1) обладает ли субъект конкрет-

ным правом; 2) совершил ли он действие по осуществлению своего права; 3) осуществлено ли субъективное право в противоречии с его назначением и 4) был ли причинен вред личности, обществу, государству в результате осуществления права? Таким образом, он признает, что злоупотребление правом возможно как минимум при наличии субъективного права и свободы выбора способов его реализации. Исследовательская позиция А.А. Малиновского представляет интерес еще и потому, что он раскрыл особенности злоупотреблений правом в сфере свободы совести и вероисповедания.

Юридическая доктрина традиционно причисляет свободу совести к личным (гражданским) правам⁴. В целом же правовое регулирование свободы совести является комплексным и межотраслевым: оно включает нормы, определяющие содержание этой свободы, а также меры ее гарантирования, защиты и ограничения⁵. При этом «защита нравственности, прав и законных интересов других лиц, государственных границ, обеспечение безопасности государства направлены на гарантирование права на духовное достоинство и связанную с ним свободу совести и вероисповедания»⁶. Здесь задействованы нормы практически всех отраслей права: конституционного (провозглашение и гарантирование права на свободу совести), административного (порядок регистрации и деятельности организаций, основы государственного и муниципального управления в сфере свободы совести), гражданского (имущественные отношения, возникающие в связи с реализацией права на свободу совести), трудового (трудовые отношения в соответствующих организациях и защита прав всех категорий работников на свободу совести), уголовного права и законодательства об административных правонарушениях (установление уголовной или административной ответственности за нарушение права на свободу совести).

Понимание свободы совести исторически и содержательно связано с осмыслением свободы вероисповедания. Более того, многие

² Бертель Ж.-Л. Общая теория права. М., 2000. С. 441.

³ Малиновский А.А. Злоупотребление правом. М., 2002. С. 27.

⁴ Луковская Д.И. Классификация прав и свобод человека и гражданина // История государства и права. 2007. № 15. С. 2.

⁵ Придворов Н.А., Тихонова Е.В. Институт свободы совести и свободы вероисповедания в праве современной России. М., 2007.

⁶ Шарнина Л.А. Человек, его права и свободы как высшая ценность // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 11. С. 26.

теоретики права убеждены, что содержание свободы совести составляет свобода в определении отношения субъекта к вопросам веры и религии, т.е. к проблемам свободы вероисповедания. Поскольку понятие веры не может быть признано юридической категорией, в силу абстрактности и значительной философско-мировоззренческой нагрузки его смысла, то оно и не используется в законодательстве в чистом виде. Для права вера имеет значение в форме вероисповедания, т.е. открытого провозглашения своих религиозных убеждений и свидетельств о них. Вера характеризует внутреннее, нерациональное чувство человека, а вероисповедание является внешним проявлением, особым типом социального поведения религиозной личности, в силу чего к нему применимы все санкции контроля. Подобная позиция, по мнению О.А. Иванюк, неизбежно свидетельствует о том, что «свобода вероисповедания означает свободу не любых, а именно религиозных убеждений и их внешних проявлений»⁷.

Несколько иную позицию занимают М.В. Баглай и В.А. Туманов, которые считают, что «свобода совести и вероисповедания — право человека как быть атеистом, т.е. не верить в Бога, так и верить в Бога в соответствии с той или иной свободно выбранной им религией (вероисповеданием)»⁸. При всей важности сделанного вывода авторы недооценили такой религиозно-философский фактор, как разнообразие форм веры, объектом которой далеко не всегда выступает персонифицированный «Бог», но в том числе и божество как абсолют, проявление высшей, надчеловеческой силы, порядка. К сожалению, при всей неопределенности правового значения термина «вера» невозможно установить и четких религиозно-философских дефиниций. Даже в специальной философской и религиозно-философской литературе нет четкого определения того, что есть вера и что может выступать объектом вероисповедания. Поэтому в законодательстве следует придерживаться устойчивых смыслов тех понятий, которые характеризуют не столько область человеческого духа, сколько сферу человеческого поступка и деяния.

Собственно юридический аспект темы свободы совести и вероисповедания может

быть выявлен в контексте соотношения объемов понятий, выявления родовых и видовых признаков. Вполне корректно об этом пишет И.В. Осин: «Свобода вероисповедания — это составной элемент свободы совести, внутреннее содержание которой значительно шире, чем отношение человека к религии, к выбору той или иной веры. Свобода совести оперирует понятием «убеждение», а убеждения могут быть не только религиозными»⁹. В общем свобода совести заключается в возможности самостоятельно, без чьего-либо принуждения (в том числе государственного) формировать собственные нравственные суждения, действовать в соответствии со своими убеждениями (светского или религиозного характера), а также распространять их.

Некоторые исследователи предлагают вообще отказаться от использования в законодательных актах понятия «свобода совести», сохранив лишь термин «свобода вероисповедания» по следующим причинам: во-первых, совесть — категория морали, а не права, во-вторых, с учетом понимания свободы как меры возможного поведения оно достаточно для определения отношения к религии. Данная позиция с теоретической точки зрения представляется достаточно обоснованной, однако вряд ли она может быть в ближайшем будущем реализована на практике, что объясняется сложностью прохождения соответствующих законодательных инициатив.

С учетом сказанного следует признать, что свобода вероисповедания является одним из видов свободы совести, которая, в свою очередь, не исчерпывается исключительно религиозным содержанием и предполагает свободу убеждений светского, атеистического и теистического характера. Итак, свобода совести — право убеждений (философских, мировоззренческих, политических, светских, религиозных и пр.), в том числе право на их перемену, а равно и воздержание от них, т.е. свобода не исповедовать никакой веры. Свобода вероисповедания — право открыто заявлять о своих убеждениях, религиозной вере и совершать соответствующие религиозные обряды, открыто возвещать о своих религиозных убеждениях и своей принадлежности к определенному религиозному течению, а также проповедовать свою веру. Все это закреплено в ст. 28 Конституции РФ, в которой каждому гарантируется сво-

⁷ Иванюк О.А. Свобода совести и свобода вероисповедания: соотношение понятий и границы законодательного регулирования // Журнал российского права. 2010. № 9. С. 52.

⁸ Баглай М.В., Туманов В.А. Малая энциклопедия конституционного права. М., 1998. С. 414.

⁹ Осин И.В. Свобода совести как субъективное право // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 23. С. 26.

бода совести и свобода вероисповедания, в том числе право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать и менять, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними.

Итак, рассмотрев философские и общетеоретические подходы к пониманию свободы, в частности свободы вероисповедания и свободы совести, можно выявить специфические черты злоупотреблений в этой сфере. В данном контексте уместно вновь обратиться к исследованию А.А. Малиновского, в котором описаны шесть типичных случаев злоупотреблений правом свободы совести, хотя более тщательный анализ убеждает в том, что приводимые автором примеры с трудом поддаются правовому определению, поскольку указывают на явления внутреннего самочувствия и духовного самосознания верующего человека. В общем он анализирует шесть основных ситуаций злоупотреблений правом, последовательно доказывая, что описанные в них деяния могут быть квалифицированы именно как злоупотребление правом в двух формах — правомерного и противоправного поведения.

Одним из наиболее распространенных видов злоупотребления свободой совести А.А. Малиновский считает навязывание мировоззрения одного лица или группы лиц другому, что, собственно, противоречит правовой норме самостоятельного выбора личностью своих убеждений. Данный пример, с одной стороны, действительно иллюстрирует ситуацию злоупотребления свободой совести, применительно к лицу или группе лиц, осуществляющих религиозную пропаганду в целях навязывания собственных убеждений. С другой стороны, субъектом злоупотребления является лицо, не имеющее намерений умышленного причинения вреда. Напротив, адепт веры глубоко убежден, что его проповедь, миссионерская или прозелитическая деятельность направлены во благо того, кто еще не сделал своего свободного выбора: тот, кто объективно «принуждает» к избранию убеждений, в полной мере не осознает этического-морального значения и социальных последствий своих действий. Поэтому в данной ситуации нет всех необходимых признаков злоупотреблений. По крайней мере невозможно дать четкого ответа на вопросы: «осуществлено ли субъективное право в противоречии с его назначением» и «был ли причинен вред лич-

ности, обществу, государству в результате осуществления права?»

Всего А.А. Малиновский выделяет шесть типичных видов деяний, которые можно расценивать как злоупотребления свободой совести¹⁰. Первое связано со склонением лиц, нуждающихся в медицинской помощи, к отказу от нее полностью или частично, включая вакцинацию, переливание крови, использование определенных лечебных препаратов и т.п. Причем сам автор понимает, что если данный факт имел место и он доказан, то последуют санкции: в соответствии с действующим российским законодательством такая религиозная организация будет ликвидирована на основании ст. 14 п. 2 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях». Любопытно, что в соответствии с законодательством других стран такое деяние может рассматриваться именно как правомерное злоупотребление, а не противоправное деяние.

Второй пример злоупотребления относится к деятельности религиозного объединения или его лидера, направленной на разрушение семьи. И вновь автор делает поправку на сложившиеся в обществе традиции воспитания и законодательство стран, по которым данные обстоятельства могут лежать вне сферы злоупотреблений. Как правило, так называемое «разрушение» семьи происходит вследствие расхождения взглядов на приоритет ценностей и смыслов совместного бытия, ведения хозяйства, воспитания детей и т.п. Лицо, исповедующее убеждения, отличные от тех, которые сложились в данной семье, изменяет и свой образ жизни, что, скорее всего, приводит не к «разрушению» семьи, а к сложностям межличностных отношений. В некоторых случаях «разрушение» сопровождается реальным уходом члена семьи из дома, отказом исполнять свои семейные обязанности и в данных обстоятельствах можно говорить о злоупотреблении, но лишь в той мере, в которой возможно доказать, что лицо принимает решение против своей воли и остальным членам семьи наносится ущерб.

Третий пример злоупотребления свидетельствует о нарушениях в связи с препятствиями в получении образования. При этом автор уточняет, что в случае, если доказан факт воспрепятствования получению обязательного образования со стороны конкретных лиц (например, родителей, принадлежащих к

¹⁰ Малиновский А.А. Злоупотребление правом. М., 2002. С. 88–96.

определенной религиозной общине) или религиозной организации, то налицо правонарушение, а не злоупотребление, однако если речь идет о внушении мысли о нецелесообразности обучения в средних специальных или высших учебных заведениях, то можно говорить о правомерном злоупотреблении.

Четвертый пример — принуждение лица к отчуждению своего имущества в «добровольном порядке». Опять же заключается в малоубедительной доказательной базе применения специальных психотехник, мошенничества, сокрытия подлинной информации, утаивания с целью завладения чужим имуществом. Как правило, такое злоупотребление доверием, введшее в заблуждение и являющееся наказуемым деянием, может произойти и при отсутствии религиозного воздействия. Что же касается случаев, когда новообращенные лица все же принимают подобного рода добровольное решение, то оно находится вне сферы злоупотребления.

Пятый — злоупотребление свободой совести в связи с принудительным исполнением ритуалов, наносящих вред психическому, физическому здоровью личности, оказывающих деструктивное влияние, включая участие в изнурительных обрядах при недостаточном количестве сна, питания, отдыха, а также соблюдение строгих требований диет, сексуальных воздержаний, дыхательных упражнений и т.п., ослабляющих общее психоэмоциональное, волевое и когнитивное состояние организма. В квалификации данного деяния существенную роль играет фактор добровольности, именно он лежит в основе критерия правомерного или противоправного характера злоупотребления, поскольку тот, против кого осуществляется «насилие», воспринимает ограничения как «благо» и ни в коей мере не признает их деструктивное воздействие, соответственно, элиминирует состав правонарушения.

Наконец, шестым примером злоупотребления А.А. Малиновский называет склонение к самоубийству. При этом он четко указывает, что «данное злоупотребление нельзя рассматривать в качестве такого преступления как доведение до самоубийства ... поэтому в большинстве случаев злоупотребление

свободой совести и свободой вероисповедания в виде склонения адептов к самоубийству не наказуемо»¹¹. Это более чем странное утверждение находится в противоречии с содержанием статьи 14 п. 2 ФЗ № 125 «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 г., где четко указано: «Основаниями для ликвидации религиозной организации и запрета на деятельность религиозной организации или религиозной группы в судебном порядке являются ... склонение к самоубийству...». А это значит, что *склонение* к самоубийству нельзя отнести к правомерной форме злоупотребления, по крайней мере в нынешней формулировке этой правовой нормы.

Литература

1. Баглай М.В., Туманов В.А. Малая энциклопедия конституционного права / М.В. Баглай, В.А. Туманов. М., 1998. С. 414.
2. Бержель Ж.–Л. Общая теория права / Ж.–Л. Бержель. М., 2000. С. 441.
3. Иванюк О.А. Свобода совести и свобода вероисповедания: соотношение понятий и границы законодательного регулирования / О.А. Иванюк // Журнал российского права. 2010. № 9. С. 52.
4. Луковская Д.И. Классификация прав и свобод человека и гражданина / Д.И. Луковская // История государства и права. 2007. № 15. С. 2.
5. Малеин Н.С. Юридическая ответственность и справедливость / Н.С. Малеин. М., 1992. С. 160.
6. Малиновский А.А. Злоупотребление правом / А.А. Малиновский. М., 2002. С. 27, 88–96.
7. Осин И.В. Свобода совести как субъективное право / И.В. Осин // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 23. С. 26.
8. Придворов Н.А., Тихонова Е.В. Институт свободы совести и свободы вероисповедания в праве современной России / Н.А. Придворов, Е.В. Тихонова. М., 2007.
9. Шарнина Л.А. Человек, его права и свободы как высшая ценность / Л.А. Шарнина // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 11. С. 26.

¹¹ Малиновский А.А. Злоупотребление правом. М., 2002. С. 96.

Проблемы антиклерикализма (на примере правового механизма отделения церкви от государства)

*Кузнецов Андрей Олегович,
доцент кафедры гуманитарных, социальных,
экономических и информационно-правовых дисциплин
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации,
кандидат философских наук
a.o.kuznetsov@mail.ru*

Статья посвящена анализу последствий Французской революции с точки зрения ее влияния на возникновение систем секулярной легитимизации власти, что, в свою очередь, проявилось в разработке механизма отделения церкви от государства и создании системы светского образования. В статье предпринята попытка рассмотрения политико-правовой реализации идей антиклерикализма и секуляризации.

Ключевые слова: секуляризация, антиклерикализм, отделение церкви от государства, свобода совести.

Issues of Anticlericalism (by example of the Legal Mechanism of Church and State Separation)

*Kuznetsov Andrey O.,
Assistant Professor of the Humanitarian, Social, Economic
and Information Legal Disciplines Department at the Academy
of the State Office of Public Prosecutor of the Russian Federation,
Candidate of Philosophical Sciences*

The article is devoted to the analysis of consequences of the French revolution from the point of view of its influence on the formation of authority secular legitimation systems, that, in turn, was implemented in developing the church and state separation mechanism and creating the secular education system. In the article an attempt to consider political and legal implementation of anticlericalism ideas and secularization is undertaken.

Key words: Secularization, anticlericalism, separation of church and state, freedom of conscience.

Правовой механизм отделения церкви от государства является стержневым компонентом феномена секуляризации.

Под секуляризацией понимается процесс ослабления ориентации индивидов, групп и всего общества на те инстанции, которые принято называть сверхъестественными, что проявляется в снижении роли религиозного миропонимания и объяснения в интерпретационных схемах.

Слово *saecularis*, которое стало вполне естественным для XVIII и XIX столетий, имело значение «принадлежащий этому веку (поколению)», «существующий во времени»¹. Слово «секуляризация» первоначально имело юри-

дическое значение принудительной передачи церковных владений в собственность секулярной государственной власти. Со временем оно стало описывать процессы культурного переустройства².

В политико-правовой сфере феномен секуляризации означает ослабление специфического религиозного влияния на политику и на обоснование политических приоритетов. Это приводит к возникновению элементов секулярной системы легитимизации власти.

Процессы секуляризации и антиклерикализма — это явления одного порядка.

ной научно-практической конференции. Н.Новгород, 2007.

¹ См.: Токарев А.М. Коррелятивность религиозной веры и западной секулярной рациональности в интеркультурном контексте нашего времени // Антропологический потенциал культурогенеза : материалы межрегиональ-

² См.: Богданова О.А., Воронкова О.В. Секуляризационные процессы в западной и российской культуре: история и современность : монография. Ростов-на-Дону : Издательство РГЭУ (РИНХ), 2013. 159 с.

Антиклерикализмом мы будем называть идеологию отрицания ценности деятельности религиозных институтов. Отрицание может проявляться как в виде радикального неприятия такой деятельности, так и в форме отстаивания необходимости ограничения и внешней ее регуляции.

По признакам социально-политической мотивации можно выделить три типа развития антиклерикализма: демократический антиклерикализм, направленный против церкви как защитницы существующих несправедливых общественных устоев; антиклерикализм части правящего класса, выступающий против церкви как политического противника; религиозный антиклерикализм, связанный с борьбой против формализации религиозной жизни, господства в ней определенных структур и духовенства³.

С определенными оговорками можно сказать, что до конца XVIII века антиклерикализм развивался преимущественно по третьему типу. Лишь события Французской революции привели к фундаментальному расколу между религией и властью, придав антиклерикализму статус политической идеологии.

Революция настояла на реальном отделении религии, проявившемся в устранении конфессионального характера государства, снижении социальной роли и ответственности католической церкви в областях гражданского состояния, образования, больничного дела и т.д.

Так, гражданский статус был предоставлен протестантам еще в 1787 году, в декабре 1789 года они получили право избирать и быть избранными, а вместе с тем — доступ ко всем государственным должностям. Закон от 13 февраля 1790 года отменил государственное признание религиозных обетов и упразднил конгрегации в качестве гражданско-правовых лиц, за исключением конгрегаций, осуществляющих благотворительную или образовательную деятельность. В сентябре 1791 года Учредительное собрание предоставило статус граждан евреям⁴. Иудейское вероисповедание признавалось наравне с реформистской и кальвинистской протестантскими церквями. Католицизм Конкор-

дат 1801 г.⁵ года отказал в официальном национально-государственном статусе, признавая лишь, что он является религией значительного большинства французов.

Беспрецедентность государственно-религиозного разрыва проявилась прежде всего в смещении событийной составляющей человеческой жизни (рождения, брака и смерти) в сферу гражданско-правовой регуляции. Меры такого рода отныне становятся обязательными признаками отделения церкви от государства.

Стоит сразу оговориться, что Французская революция не предусматривала подлинной автономии некогда спаренных институтов, но, скорее, передавала управленческие рычаги в руки светской власти. Регуляция осуществлялась, в частности, через административный контроль со стороны министерства по делам религий, который позволял ему в том числе прямо влиять на назначение епископов. Кроме того, отдельные виды возможной социальной активности со стороны конфессий были жестко регламентированы государством. Так, например, утверждение монополии имперского университета, вне компетенции которого не могло быть образовано ни одно государственное образовательное учреждение, усложняло процесс организации религиозных школ.

Вопросы образовательной политики вообще были тесно связаны процессами размежевания государства и церкви. В этой связи стоит упомянуть введение бесплатного и обязательного образования для мальчиков и девочек от 6 до 13 лет. По школьным законам Ферри, все предметы были ориентированы на моральное и гражданское воспитание, при этом выделялся один день в неделю для изучения катехизиса *за пределами школы*, а представители церкви лишались права инспектировать и надзирать за организацией образовательного процесса в начальной школе.

80-е годы XIX века характеризуются укреплением позиций «боевой светскости» в политико-правовой сфере. Кроме упомянутых законов о школьном образовании сюда следует отнести отмену обязательного воскресного отдыха, окончательное отстранение церкви от управления больницами и кладбищами, устранение института армейских капелланов, отмену публичных молитв, восстановление разводов и т.д.

³ См.: Андреева Л.А. Феномен секуляризации в истории России: цивилизационно-историческое измерение. М.: Институт Африки РАН, 2009. 198 с.

⁴ См.: Общие соображения по поводу отделения церкви от государства / Э. Беллиар. М.: Посольство Франции в России, 2006. 392 с. С. 16.

⁵ Конкордат, заключенный между Наполеоном Бонапартом, первым консулом Французской республики, и папой Пием VII 15 июля 1801 года, как считается, завершает период революционной борьбы с церковью.

Рост напряженности продолжался, закрывались католические школы, имущество и собственность религиозных общин конфисковались, рост взаимного недоверия между Парижем и Ватиканом приводит к отзыву посла Франции.

Кризис в отношениях с Ватиканом и несоблюдение последним Конкордата становится аргументом в пользу отделения церкви от государства. Закон от 9 декабря 1905 года установил основные правовые принципы отделения. Первым из них становится принцип свободы совести, результатом реализации которого должны стать свобода отправления культа, индивидуальная религиозная свобода и отсутствие дискриминации в отношении вероисповеданий. Второй принцип — разделение — проявляется в том, что государство не субсидирует ни одну из конфессий, но при этом и не оставляет без внимания, признавая, что игнорирование религии может обернуться для него опасными последствиями.

Два основных последствия разделения состояли в отмене в бюджетах государства, департаментов и коммун расходов, связанных с обеспечением религиозных нужд, а также в упразднении публичных учреждений, прежде всего церковных советов⁶, созданных для надзора за обслуживанием зданий, предназначенных для религиозных целей и для управления собираемыми средствами.

Один из самых острых вопросов — о передаче церковного имущества — предполагалось решить следующим образом: в течение года после обнародования закона движимое и недвижимое имущество публичных религиозных учреждений должно было быть передано новым органам — религиозным объединениям. В частности, здания, служащие для отправления культа, бесплатно передавались в распоряжение религиозных объединений. При отсутствии объединения, которое могло бы получить имущество публичного религиозного учреждения, такое имущество передавалось муниципальным учреждениям социальной помощи или благотворительным заведениям. Опасения Ватикана касались того, что связь религиозных объединений с церковной иерархией в новом законопроекте не была определена достаточно четко, что в свою очередь могло привести к расколу внутри Церкви. Закон 1905 года, стремясь разрешить возможные противоречия, уточнял, что религиозные объединения должны подчиняться общим пра-

вилам того культа, отправлением которого они намерены заниматься.

Религия не является исключительно личным делом, поэтому религиозные собрания наделялись статусом публичных собраний и попадали под общеправовой режим. Вывешивать или наклеивать какие-либо религиозные эмблемы или символы в любых общественных местах запрещалось. Законом были предусмотрены и санкции. Так, наказываются «те, кто посредством насильственных действий или угроз... угрожая потерей работы или причинением ущерба самому лицу, его семье или его состоянию, принуждают его к осуществлению религиозных отправлений или к воздержанию от них, к вступлению в религиозное объединение или к выходу из него, к внесению или невнесению взносов на религиозные расходы» или «те, кто будут препятствовать, задерживать или прерывать религиозные отправления, организовав волнения или беспорядки в предназначенных для них помещениях»⁷.

Штрафу или тюремному заключению подлежит «любой служитель культа, который в месте религиозных отправлений публично в своих проповедях, в зачитываемых или распространяемых текстах, а также расклеенных плакатах оскорбил или оклеветал гражданина, отвечающего за какую-нибудь публичную услугу»; «если произнесенная речь или письменный текст, выставленный или распространяемый публично в местах религиозных отправлений, содержат прямое подстрекательство к нарушению законов и других правовых актов органов публичной власти, или если они восстанавливают или вооружают одних граждан против других, то признанный в этом виновным служитель культа наказывается тюремным заключением на срок от трех месяцев до двух лет, независимо от наказаний за соучастие, когда подстрекательство повлекло за собой бунт, мятеж или гражданскую войну»⁸.

Впоследствии закон 1905 года был дополнен законом от 2 января 1907 года о публичном совершении богослужений, а также законом 1942 года об имуществе религиозных объединений и законами о частном образовании.

В течение всего XX века стремление обеспечить либеральное применение закона об отделении церкви от государства диктовало необходимость нахождения компромисса между религиозной свободой и теми ограни-

⁶ А также советов по управлению церковными доходами, протестантских и иудейских консисторий, пресвитерианских советов.

⁷ Цит. по: Общие соображения по поводу отделения церкви от государства / Э. Беллиар. М.: Посольство Франции в России, 2006. 392 с. С. 33–34.

⁸ Там же. С. 34.

чениями, которые диктуются соображениями общественного блага.

Французский пример оказался поистине эпохальным. До него во всех существующих сообществах религия выполняла функции того базиса, на котором происходило формирование мировоззрения, лежащего в основе западной культуры в целом. Даже те отношения и взгляды, которые не испытывали прямого религиозного воздействия, тем не менее были включены в религиозную смысловую структуру. В современном обществе ситуация стала иной. Важнейшие его сферы больше не нуждаются в одобрении со стороны религиозных институтов. Это справедливо для современного законодательства, для экономики, применимо к естествознанию и технике, к социальным и гуманитарным наукам, к искусству, к культуре в целом. Все эти области общественной жизни получили воплощение в самостоятельных социальных институтах, обладающих своими собственными системами оценки и определивших для себя наиболее оптимальные способы деятельности, ориентация которых на религиозные предписания уже не является необходимой. Вместе с тем независимость от религиозного обернулась независимостью самого религиозного.

В результате религия предстала как обособленная (институциональная) сфера некоей социальной активности и определенных символов, называемых религиозными. Общество при этом оказалось как бы выведенным из-под юрисдикции «священного», оставаясь полностью мирским.

Вслед за секуляризацией общественных институтов происходила секуляризация сознания. Человеческая повседневность больше не требовала личного участия в церковной жизни, от которой уже не зависели ни общественное положение, ни финансовое благополучие. Обязанности, связанные с церковной жизнью, постепенно переходили в категорию второстепенных дел, а потом и вовсе вымывались из практики.

Внешние элементы религиозной жизни дополняют картины свадебных торжеств, политических агитаций, включены в процессы купли-продажи. Секуляризация неразрывно связана с плюрализмом мировоззрений, в том

числе и с плюрализмом религиозным. Возникает противоречие между признанием социальной и этической ценности религии (как духовного гаранта общественной нравственности) и тем, что она является *личным* делом, отдается на откуп *моим* субъективным религиозным предпочтениям и *моему* выбору. В этих условиях религия необходимо ориентирована на рыночные отношения, ведь ситуация рынка — это ситуация выбора. Религиозные институты вынуждены конкурировать, религиозные традиции становятся потребительским товаром. Религия в большей степени сводится к набору услуг психотерапевтического характера, никак не связанных с конфессиональной принадлежностью, к удовлетворению индивидуальных религиозных потребностей.

Подводя итог, можно сказать, что французский механизм государственно-религиозного разделения исторически близок большинству стран Западной Европы, несмотря на то, что конкретные политико-правовые решения могли быть совершенно разными: от установления специальных отношений с Ватиканом на основе, близкой к Конкордату, и от закрепления за религией статуса государственной до конституционно провозглашенной светскости.

Литература

1. Андреева Л. А. Феномен секуляризации в истории России : цивилизационно-историческое измерение / Л. А. Андреева. М. : Институт Африки РАН, 2009. 198 с.
2. Беллиар Э. Общие соображения по поводу отделения церкви от государства / Э. Беллиар. М. : Посольство Франции в России, 2006. 392 с.
3. Богданова О. А., Воронкова О. В. Секуляризационные процессы в западной и российской культуре: история и современность : монография / О. А. Богданова, О. В. Воронкова. Ростов-на-Дону : Издательство РГЭУ (РИНХ), 2013. 159 с.
4. Токарев А. М. Коррелятивность религиозной веры и западной секулярной рациональности в интеркультурном контексте нашего времени / А. М. Токарев // Антропологический потенциал культурогенеза : материалы межрегиональной научно-практической конференции. Н. Новгород, 2007.

Исторический очерк развития церковно-государственных отношений в России до начала XX века

*Корнев Владимир Александрович,
доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук
Воронежской государственной лесотехнической академии,
кандидат филологических наук
vkornev48@yandex.ru*

В данной статье предполагается проследить динамику и основные этапы развития взаимоотношений Русской Православной Церкви и государства в России до начала XX в., выявить объективные и субъективные обстоятельства, повлиявшие на изменение характера этих взаимоотношений на том или ином историческом этапе, проанализировать способы адаптации РПЦ к изменениям религиозной политики государства.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, религиозная политика государства.

Brief History of Development of the State and Church Relations in Russia prior to the Beginning of the 20th Century

*Kornev Vladimir A.,
Assistant Professor of the Philosophy and Social Humanities Department
at the Voronezh State Timber Academy,
Candidate of Philological Sciences*

This article is supposed to track the dynamics and main stages of development of relations of the Russian Orthodox Church and the state in Russia, to the beginning of XX century, to identify the objective and subjective factors influencing the changing nature of this relationship at some point in history, to analyze the ways of adaptation of the ROC to changes in religious policy of the state.

Key words: The Russian Orthodox Church, religious policy of the state.

Принятие православия в Киевской Руси определялось множеством факторов, но прежде всего политическими, экономическими и культурными связями с Византией.

Л.Ю. Костокрызова¹ указывает на достаточно гармоничный союз между светской и духовной властью в Византийской империи. Государство рассматривается как организм, в котором есть душа и тело. Первое берет на себя религия, а второе — светская власть. «Так как государство, наподобие человека, состоит из частей и членов, то наиболее важными и необходимейшими членами являются царь и патриарх; поэтому мир и благоденствие подданных зависят от единомыслия и согласия царской и патриаршей власти», —

говорилось в «Исагоге», своде законов IX в.²

Взаимодействие Церкви и государственной власти рассматривается исследователями на уровне трех властей: законодательной, судебной и исполнительной. Например, в сфере исполнительной власти развитие церковного управления и церковных учреждений совершалось параллельно и в соответствии с развитием политических учреждений и государственного управления³. Примером взаимодействия в судебной сфере является создание в VI в., а впоследствии в XIV в., института «вселенских судей ромеев» — двенадцати судей из духовных лиц, назначаемых императором, решение которых распространялось на всех без исключения жителей империи. В законодательной сфере таким примером явля-

¹ Костокрызова Л.Ю. Симфония властей в Византии: опыт взаимодействия государства и Церкви // Актуальные проблемы истории, политики и права : сборник научных трудов преподавателей и адъюнктов. Выпуск 8. Екатеринбург : Изд-во Уральского юридического института МВД России, 2008. С. 29–35.

² Цит. по: Грибовский В.М. Народ и власть в Византийском государстве. Опыт историко-догматического исследования. СПб., 1897. С. 342.

³ Скабаланович Н.А. Византийское государство и церковь в XI веке. Книга 2. СПб., 2004. 864 с.

ется издание церковного закона. В 451 г. императоры Валентиниан и Маркиан, находясь под давлением участников IV Вселенского собора, издали конституцию, согласно которой все законы, изданные в нарушение церковных канонов, признаются недействительными, а император Юстиниан в октябре 530 г. заявил, что «божественные каноны имеют силу не меньшую, чем законы»⁴.

Кроме того, в системе византийской государственности духовная власть занимала подчиненное по отношению к императорской положение, что соответствовало политическим устремлениям князя Владимира, который уже пытался создать единый пантеон славянских богов, по сути подчиняя духовную власть светской⁵.

Первые русские митрополиты были греками. Они принесли с собой новые для русских людей представления о Церкви, государстве, власти и т.д. Знание и опытность церковных иерархов в управлении делами церкви и государства послужили упрочению светской власти и созданию авторитета в глазах русских князей. Русские князья со времени правления Владимира Святославича начали приглашать церковных иерархов к участию в совместном управлении государством. С другой стороны, митрополитам была необходима поддержка князей в делах церкви: распространении христианства, обустройстве церковей, обеспечении духовенства, открытии школ и т.п. Поэтому можно говорить о взаимосоотрудничестве церковной и государственной власти на первом этапе освоения христианства.

В этот период влияние русской церкви на князей и весь строй русского общества было очень велико. Духовенство принимало активное участие в законодательной деятельности, а епископы и митрополиты пользовались широкими правами в области правовых отношений. В условиях раздробленного и ослабленного государства Церковь стала объединяющим началом, носителем идеи единства русского народа. Участие князей в делах церкви выражалось в заботах о материальном обеспечении духовенства, поддержке церковных установлений, исполнении приговоров церковных судов, князья также не останавливались и перед вмешательством в чисто внутренние дела Церкви: они и веча нередко судили и низвергали епископов⁶.

⁴ Медведев И.П. Правовая культура Византийской империи. СПб., 2001. С. 82.

⁵ Ключевский В.О. Русская история. М.: Эксмо, 2002. 576 с.

⁶ Скрынников Р.Г. Крест и корона: Церковь и государство на Руси XI–XVII вв. СПб., 2000.

В XIII в., после опустошения татарами Киевской Руси, киевский митрополит перенес свою резиденцию из разрушенного Киева во Владимир и позднее в Москву, что придавало этому городу статус религиозной столицы Руси. В этот период упрочняются связи между митрополитами и московскими князьями. Церковные иерархи участвуют в политике расширения Московского княжества и упрочения власти московских князей, совершают поездки в Орду с целью получения от хана ярлыков для них на великое княжение.

Свержение татарского ига и объединение русских княжеств под властью Москвы происходят примерно в то же время, когда турки покоряют Константинополь. Но еще до этого момента император Византии вместе с большей частью духовенства начал с папой переговоры о соединении восточной (православной) и западной (католической) церквей в расчете на получение на Западе помощи против Османской империи. Это соединение (уния) было провозглашено в 1439 г. на Ферраро-Флорентийском соборе, где участвовал и только что назначенный Константинопольским патриархом русский митрополит Исидор, грек по происхождению. По возвращении в Москву он провозгласил унию и стал почитать папу в московском Успенском соборе. Несмотря на то, что русские епископы не заявили против этого никакого протеста, великий князь Василий Васильевич объявил митрополита еретиком и приказал взять митрополита под стражу. Собор 1448 г., созванный князем Василием, поставил на Московскую митрополию рязанского епископа Иону, не проведя предварительных согласований с Константинополем, с титулом Митрополит Киевский и всяя Руси. С 1448 по 1589 г. Московская Церковь управлялась по сути независимыми митрополитами всяя Руси, выйдя из подчинения Константинополю⁷.

После разрыва канонической зависимости от патриархов Константинополя московские митрополиты оказались в серьезной административной и политической зависимости от светской власти московских князей. Они также оказались в изоляции и от других поместных церковей, сохранивших каноническое единство с Константинопольским патриархатом. Так, в XVI в. пятеро из одиннадцати Московских митрополитов лишились кафедры по решению светской власти, а митрополит Филипп даже был убит в 1569 г.

После завоевания Византии Османской империей московский великий князь должен

⁷ Лакиер А.Б. Глава восьмая. Печати духовенства // Русская геральдика. СПб., 1855. 1034 с.

был принять на себя все церковные полномочия императора Византии, как единственный православный государь. Царь стал наместником Божиим на земле, и нарушение его приказов превратилось в нарушение божественной воли. Уже Иван Грозный принял титул царя и помазание на царство подобно греческим царям, и это привело к осознанию представителями светской власти своего высокого значения, а также к приоритету государственной власти над властью церковной. Московские цари, посчитав недостаточной фактическую самостоятельность русской церкви, даровали ей юридическую автономию, в соответствии с которой митрополиты теперь были подчинены патриархам. Патриаршество в русской церкви было учреждено с согласия всех церковных иерархов в период царствования Федора Иоанновича, однако с этого момента государственная власть по-прежнему сохранила и даже усилила преобладание над властью церковной⁸.

В частности, принятие Соборного уложения 1649 г. ставило Церковь фактически в подчинение государству. Например, доходы от монастырских вотчин переходили к созданному в рамках Уложения Монастырскому приказу и поступали уже не на нужды Церкви, а в государственную казну; мирские суды стали рассматривать дела, относившиеся к ведению судов церковных⁹. Противостояние патриарха Никона и светской власти привело в конечном итоге к его ссылке в Ферапонтов Белозерский монастырь с лишением не только патриаршего достоинства, но и епископского сана, ознаменовав тем самым верховенство государства над духовной властью, окончательно оформленное Петром I.

Радикальная реформа русской церкви, проведенная Петром Великим, была тесно связана с реформой государственной: он полностью подчинил Церковь государству, так что Церковь фактически превратилась в одно из государственных учреждений. Поскольку церковные правила делали невозможным подчинение патриарха власти царя, Петр отменил патриаршество, и после смерти патриарха Адриана в 1700 г. его преемник не назначался в течение двадцати лет. С учреждением духовной

коллегии, в 1721 году переименованной в Святейший синод, патриаршество было упразднено уже юридически. Синод представлял собой коллегию, состоявшую из нескольких членов во главе с председателем. Поскольку ему подчинялись все духовные установления и лица, то вся церковь, таким образом, подчинялась государственной власти, став частью государственного строя¹⁰. Для осуществления контроля деятельности Синода была учреждена должность обер-прокурора. «... Реформа Петра была... резким перерывом «теократической традиции»... Обычно Петра... обвиняют в отнятии у Церкви свободы и самостоятельности. Но свободной... Церковь не была со времен Константина Великого: ни в Византии, ни в Москве <...> Теперь... Церковь приобретает оттенок некоего анахронизма... не только внешне, но именно внутренне, психологически. Ее теократическая идеология мешает ей... захотеть свободы, признания уже совершившегося факта отделения Церкви от Царства»¹¹.

Вплоть до времени Всероссийского поместного собора 1917–1918 гг. основным внешним (государственно-правовым) регулирующим документом для Церкви являлся Духовный регламент 1721 г., а позже также Устав духовных консисторий¹². При Петре I духовенство окончательно превратилось в замкнутое сословие, доступ в которое лиц из других сословий в интересах государственной службы и тягла был практически закрыт. Власть государства над Церковью неуклонно укреплялась вплоть до Октябрьской революции 1917 г.

Новое положение Церкви в государстве сопровождалось изменением ее имущественного положения, которое было материальной основой ее могущества и общественного влияния. При Екатерине II в 1784 г. произошла секуляризация церковного имущества: церковные вотчины были переданы в собственность казны. Этим завершилось полное подчинение Церкви государственной власти. При составлении акта о наследии престола в 1797 г. Павел I уже называет императора России «главою Церкви».

Таким образом, приняв православие от Византийской империи, русская церковь приняла и основу взаимоотношений между духовной и

⁸ Знаменский П.В. История русской церкви. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1996. 1324 с.

⁹ Корневский Н.И. Церковные вопросы в Московском государстве в половине XVII в. и деятельность патриарха Никона // Русская история в очерках и статьях под редакцией профессора М.В. Довнар-Запольского. Киев, 1912. Т. III. С. 715–716.

¹⁰ Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви. Т. 2. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 1996. 828 с.

¹¹ Прот. А. Шмеман. Исторический путь Православия. М.: Паломник, 1993. С. 379–381.

¹² Федоров В.А. Русская православная церковь и государство: Синодальный период (1700–1917). М.: Русская панорама, 2003. 480 с.

светской властью с учетом примата последней. Развитие российской государственности в период со средневековья до XIX в. шло параллельно с усилением сначала княжеской, а потом царской власти по отношению к Церкви. Признание независимости Русской православной церкви по отношению к Константинополю усилило эту тенденцию. Опираясь на поддержку духовной власти, российские государи видели в церкви институт, полностью подчиненный их воле. Превращение православного духовенства в замкнутое сословие, декоммерциализация жизни обитателей стала одним из факторов, способствовавших некоторому духовному возрождению, начавшемуся в отдельных монастырях с конца XVIII до XIX в., в частности, распространению такого явления, как старчество. Потеряв власть материальную, светскую, РПЦ усилила свое влияние в духовной и морально-этической сфере¹³.

Литература

1. Костогрызова Л.Ю. Симфония властей в Византии: опыт взаимодействия государства и Церкви // Актуальные проблемы истории, политики и права : сборник научных трудов преподавателей и адъюнктов. Выпуск 8. Екатеринбург : Изд-во Уральского юридического института МВД России, 2008. С. 29–35.
2. Цит. по: Грибовский В.М. Народ и власть в Византийском государстве. Опыт историко-догматического исследования. СПб., 1897. С. 342.
3. Скабаланович Н.А. Византийское государство и церковь в XI веке. Книга 2. СПб., 2004. 864 с.
4. Медведев И.П. Правовая культура Византийской империи. СПб., 2001. С. 82.
5. Ключевский В.О. Русская история. М. : Эксмо, 2002. 576 с.
6. Скрынников Р.Г. Крест и корона: Церковь и государство на Руси XI–XVII вв. СПб., 2000.
7. Лакиер А.Б. Глава восьмая. Печати духовенства // Русская геральдика. СПб., 1855. 1034 с.
8. Знаменский П.В. История русской церкви. М. : Крутицкое патриаршее подворье, 1996. 1324 с.
9. Корневский Н.И. Церковные вопросы в Московском государстве в половине XVII в. и деятельность патриарха Никона // Русская история в очерках и статьях под редакцией профессора М.В. Довнар-Запольского. Киев, 1912. Т. III. С. 715–716.
10. Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви. Т. 2. М. : Изд-во Сретенского монастыря, 1996. 828 с.
11. Прот. А. Шмеман. Исторический путь Православия. М. : Паломник, 1993. С. 379–381.
12. Федоров В.А. Русская православная церковь и государство: Синодальный период (1700–1917). М. : Русская панорама, 2003. 480 с.
13. Тальберг Н.П. История Русской Церкви. М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2009. 546 с.

Реформа образования 1918 г.: регулирование вероучения на примере Казанской кряшенской семинарии

*Мухамадеева Лилия Абдулахатовна,
старший научный сотрудник Института истории
Академии наук Республики Татарстан,
кандидат исторических наук
zgel21@mail.ru*

Автор на основе архивных материалов рассматривает регулирование системы образования в Казанском учебном округе в 1918 году. В статье на примере Казанской кряшенской семинарии показывается процесс вытеснения вероучения из средних и низших образовательных учреждений. Распоряжения и циркуляры властных структур привели к отмене или замене религиозных дисциплин на светские предметы.

Ключевые слова: реформа образования, вероучение, Казанский учебный округ, Казанская кряшенская семинария, светская школа.

Reform of Education in 1918: Regulation of Dogma by example of the Kazan Theophany Seminary

*Mukhamadeeva Lilia A.,
Senior Research Scientist of the Institute of History
of the Academy of Sciences of the Republic Tatarstan,
Candidate of Historical Sciences*

The author on the basis of archival materials considers regulation of the education system in the Kazan school district in 1918. In the article on the example of Kazan Kryashen seminary is shown the displacement process doctrine from the middle and lower educational institutions. Instructions and circulars authorities led to the cancellation or replacement of religious subjects on secular subjects.

Key words: education reform, religious education, Kazan school district, Kazan Kryashen Seminary, secular school.

Согласно Декрету Совета Народных Комиссаров «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 г.¹ преподавание религиозных предметов в государственных и частных учебных заведениях не допускалось. Обучение вероучению могло осуществляться только в частном порядке.

Вслед за этим 25 февраля 1918 г. народный комиссар просвещения А.В. Луначарский издал Постановления Государственной комиссии по просвещению за № 50 и 51. В одном из них, «О светской школе», говорилось: «Российская республика предоставляет каждому гражданину полную свободу выбирать любое вероисповедание или вовсе не принадлежать ни к одному из вероисповеданий... Считая религию делом совести каждого отдельного человека, государство в деле религии остается

нейтральным... Из этого само собой вытекает, что государство не может взять на себя религиозное воспитание детей. Ввиду этого... преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, и исполнение каких-либо религиозных обрядов в стенах школы — не допускается»². Должности законоучителей всех вероисповеданий с 1 января 1918 г. упразднялись³.

С 4 января 1918 г. во все педагогические советы средних и низших учебных заведений Казанского учебного округа последовали циркулярные предложения управляющего округом, казанского губернского комиссара по просвещению А. Максимова о прекращении религиозного преподавания, в которых сообщалось,

² НА РТ. Ф. Р-271. Оп. 1. Д. 92. Л. 1–1 об.

³ НА РТ. Ф. Р-261. Оп. 1. Д. 1. Л. 3; Ф. Р-271. Оп. 1. Д. 92. Л. 2.

¹ Газета Рабочего и Крестьянского правительства. 1918. № 15.

что вместо Закона Божьего в качестве обязательного предмета могло быть допущено преподавание истории религии или этики, но только при условии «научности и объективности» данных предметов, причем преподавателями не могли становиться священнослужители. Однако до конца текущего на тот момент учебного года им еще разрешалось вести данные предметы. Более того, во внеурочное время в учебных заведениях допускалось и продолжение преподавания Закона Божьего. Под внеурочным временем подразумевалось время, отделенное значительным промежутком (2–3 часа) от конца учебных занятий. Предлагалось один из 6 учебных дней недели считать свободным от учебных занятий и предоставить его «для проявления самостоятельности учащихся в их организациях». В этот день «родителями данного учебного заведения в стенах его до конца нынешнего учебного года» могло быть осуществлено «необязательное преподавание Закона Божьего». Преподавательский персонал в этот день считался свободным от исполнения своих обязанностей. Помимо этого «сознательно относящимся к вопросам религии» учащимся старших классов разрешалось создавать «на общих основаниях» религиозные общества, деятельность которых могла осуществляться только в стенах учебных заведений. При этом категорически воспрещалось «ни в начале, ни в конце учебного дня» совершать молитвы и религиозные обряды⁴.

В напряженных условиях социально-политической обстановки в стране проведение в жизнь принципа светской школы оказалось не простым делом. Выявилась острая нехватка кадровых учителей и преподавателей. Вследствие этого циркуляром Комиссариата по просвещению Казанского учебного округа № 2425 от 6 марта 1918 г. законоучители временно допускались преподавать историю этики и религии. В тех учебных заведениях, где преподавание религии было сохранено в прежнем виде, оплата труда законоучителям должна была производиться из «совершенно частных источников и частным путем, но ни в коем случае не из государственных или общественных сумм или из специальных и других средств учебных заведений. Лица, выдавшие учителям жалование из указанных средств после издания Циркуляра № 2530 (от 7 марта 1918 г. — Л.М.), привлекались к законной ответственности. Законоучители, преподававшие историю религии и этики, могли получать содержание

⁴ НА РТ. Ф. Р-261. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2; Ф. Р-271. Оп. 1. Д. 92. Л. 3, 6–7, 9, 12–12 об.

из прежних источников. Предлагалось объявить этим временно оставленным законоучителям о том, что они увольняются со службы с 1 мая 1918 г. с выдачей «заштатного жалования за май месяц»⁵.

2 апреля 1918 г. Казанский комиссариат по просвещению «спешно, циркулярно» предлагал учебным заведениям, кроме открытых после 1 января 1916 г.⁶, не позднее чем в недельный срок сообщить подробные сведения:

«1. В каком положении находится преподавание религии в данном учебном заведении.

2. Если преподавание религии производится, то из каких средств оплачивается труд законоучителей. С какого момента прекращена им выдача жалования из общественных или государственных сумм»⁷.

С момента опубликования данных распоряжений в Казанский учебный округ со всех подведомственных школ, гимназий и училищ последовали ответные письма об исполнении указаний, подробно описывающие положение в том или ином учебном заведении. Выяснилось, что в некоторых из них «пред началом учебного дня... ввиду выраженного желания со стороны учащихся, родителей их, Педагогического Совета и неимения препятствий со стороны местного Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов молитву было решено совершать для желающих помолиться учеников»⁸. От родительских комитетов были присланы запросы на разрешение «читать молитвы при и после начала учения», т.к. констатировалось, что «ученики все православные...», на что А. Максимов отписался: «Чтение молитв предоставляется инициативе самих учащихся»⁹.

Было и недопонимание со стороны директоров учебных заведений. Так, пришел запрос относительно «понимания термина «история религии»... в смысле ли истории всех религий, или только истории религии, исповедуемой учащимися». Ответ прислал казанский комиссар по просвещению: «Понимать как историю религий, излагаемую объективно, а не в духе одной только религии»¹⁰.

Вскоре после этого Казанского Комиссара по народному просвещению посетила объединенная делегация от родительских комитетов и приходских советов г. Казани с целью

⁵ НА РТ. Ф. Р-261. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.

⁶ НА РТ. Ф. Р-271. Оп. 1. Д. 92. Л. 191 об.

⁷ НА РТ. Ф. Р-271. Оп. 1. Д. 92. Л. 29.

⁸ НА РТ. Ф. Р-271. Оп. 1. Д. 92. Л. 17–17 об.

⁹ НА РТ. Ф. Р-271. Оп. 1. Д. 92. Л. 22–23.

¹⁰ НА РТ. Ф. Р-271. Оп. 1. Д. 92. Л. 20–21 об.

«добиться разрешения преподавания Закона Божьего в учебных заведениях». Ходатайство депутации увенчалось, по заявлению ее участников, полным успехом, и родители учеников казанских учебных заведений выразили на спонтанно проведенных школьных собраниях желание возобновить прерванное преподавание Закона Божьего и восстановить молитвы перед началом уроков¹¹.

В трудное положение была поставлена Казанская Духовная Семинария, в которой преподавалось 9 предметов, посвященных изучению религии (святое писание, церковная история, учение о западных исповеданиях, учение о русском старообрядчестве, проповедничество, литургия, практическое руководство для пастырей, основное богословие, догматическое богословие, христианская мораль). В связи с этим занятия в данном учебном заведении решено было прекратить уже 6 апреля 1918 г.¹²

В мае 1917 г. (официально в октябре) на базе Казанской крещено-татарской школы была организована Казанская крещено-татарская учительская семинария, которая просуществовала до 1919 г.¹³ Как и Казанская Духовная семинария, она в своем учебном расписании имела более половины религиозных предметов. Однако власти, в отличие от первой, с началом уже нового учебного 1917–1918 года ввели в ней новую реформу, полностью отменив вероучение. Отныне педагогический персонал, боясь угрозы закрытия, вел обучение в семинарии в светском русле.

На смену упраздненных религиозных уроков в семинарии пришел предмет под названием «Этика и история религий». Оставшиеся учебные часы заменялись новыми дисциплинами. В Казанской крещено-татарской семинарии, помимо этики и истории религий, преподавались следующие предметы: педагогика; русский язык и литература; история; история социальной и общественной экономики; география; природоведение; естествоведение; физика; астрономия; методика; татарский язык, история и этнография; новые языки; сельское хозяйство; графическое искусство; трудовые процессы (ручной труд) (по дереву, столярно-токарные, переплетные, сапожные, рукоделие и лепка); черчение для ручного труда; детское чтение; выразительное чтение; пение и музыка; гигиена и подача первоначаль-

ной помощи заболевшим; упражнения и игры, гимнастика¹⁴.

Постановлением Государственной Комиссии по просвещению 27 мая 1918 г. в стране было введено всеобщее совместное обучение, отмена обязательного преподавания латинского языка и отмена оценок. С момента его опубликования все без исключения учебные заведения должны были принимать на свободные вакансии учащихся обоего пола на равных основаниях, «с тем расчетом, чтобы количество учащихся обоего пола по классам было возможно более равномерным»¹⁵.

Вторая глава Постановления была посвящена «немедленной отмене обязательного обучения латинского языка» в общеобразовательной средней школе (во всех классах гимназий, бывших семинарий и духовных училищ). Введение в программу школы латинского языка, как «предмета дополнительного и необязательного» допускалось при наличии заявления учащихся по постановлению Педагогического совета, утвержденному соответствующим Отделом Народного Образования.

Третья глава Постановления «Об отмене отметок» гласила, что «применение балльной системы для оценки познаний и поведения учащихся отменялось во всех без исключения случаях школьной практики». Перевод из класса в класс и выдача свидетельства производились на основании успехов учащихся, по отзывам Педагогического совета «об исполненной учебной работе»¹⁶.

С 1 октября 1918 г. по Постановлению Коллегии Отдела по просвещению Казанской губернии должности преподавателей латинского языка, помощников классных наставников (надзирателей) и классных надзирательниц (классных дам) в учебных заведениях были упразднены¹⁷.

Казанский Губернский отдел по просвещению 26 ноября 1918 г. разослал во все учебные заведения и уездные отделы народного образования Казанской губернии циркуляр следующего содержания: «...Озабочиваясь возможным быстрым изъятием из школьных библиотек книг, явно вредных по своему содержанию, не отвечающих духу новой Трудовой Единой Школы, Отдел Единой Школы при Народном Комиссариате по просвещению просит Отделы Народного Образования немедленно изъять из обращения в школьных библиотеках

¹¹ НА РТ. Ф. Р-271. Оп. 1. Д. 14. Л. 118–118 об.

¹² НА РТ. Ф. Р-271. Оп. 1. Д. 14. Л. 101.

¹³ Мухамадеева Л.А. Педагогические кадры на базе Казанского кряшенского техникума / Научный Татарстан. 2014. № 4. С. 32.

¹⁴ НА РТ. Ф. Р-261. Оп. 1. Д. 8. Л. 14, 18, 20; НА РТ. Ф. Р-1006. Оп. 1. Д. 10. Л. 31.

¹⁵ НА РТ. Ф. Р-261. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.

¹⁶ НА РТ. Ф. Р-261. Оп. 1. Д. 1. Л. 12–12 об.

¹⁷ НА РТ. Ф. Р-1006. Оп. 1. Д. 10. Л. 7.

таковые книги... 1) Книги патриотического содержания (истории царствования дома Романовых и т.п.), 2) сочинения догматически-религиозного характера, 3) ярко-тенденциозные произведения, не соответствующие духу Новой Трудовой Школы»¹⁸.

Таким образом, послабление относительно упразднения вероучения в Казанском учебном округе было недолгим. Уже осенью с началом нового 1918–1919 учебного года Казанский Комиссариат по просвещению на основании статьи 6 Положения о Единой Трудовой Школе предлагал «твердо и неуклонно проводить в жизнь воспрещение преподавания в стенах школы какого-то ни было вероучения и исполнения в школе обрядов культа... изъять из всех школьных помещений иконы, картины религиозного содержания и все относящееся к вероучению»¹⁹. В результате во многих учебных заведениях уроки вероучения заменялись предметами истории религий, этики, морали²⁰, истории церкви²¹, велись систематические чтения для освещения основных вопросов нравственности, материалом для ко-

торых служили статьи общелитературного характера, и др.²²

Относительно Казанской крещено-татарской семинарии власти пошли еще дальше. 14 декабря 1918 г. Секция Мари и мелких народностей при Казанском Губернском отделе по просвещению Российской Советской Федеративной Социалистической Республики сообщила, что Постановлением Совета Коллегии Губернских Отделов по просвещению Казанская Крещено-татарская семинария переименована в Казанскую Кряшенскую семинарию, и присвоила ей в своем списке номер 6²³. Тем самым власти, следуя духу времени, упразднили религиозное слово «крещеный».

Литература

1. Газета Рабочего и Крестьянского правительства. 1918. № 15.
2. Мухамадеева Л.А. Педагогические кадры на базе Казанского кряшенского техникума / Научный Татарстан. 2014. № 4. С. 32–39.
3. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. Р-261. Оп. 1. Д. 1, 8.
4. НА РТ. Ф. Р-271. Оп. 1. Д. 14, 92.
5. НА РТ. Ф. Р-1006. Оп. 1. Д. 10.

²² НА РТ. Ф. Р-271. Оп. 1. Д. 14. Л. 107.

²³ НА РТ. Ф. Р-1006. Оп. 1. Д. 10. Л. 25, 32.

¹⁸ НА РТ. Ф. Р-1006. Оп. 1. Д. 10. Л. 20.

¹⁹ НА РТ. Ф. Р-1006. Оп. 1. Д. 10. Л. 10.

²⁰ НА РТ. Ф. Р-271. Оп. 1. Д. 14. Л. 93.

²¹ НА РТ. Ф. Р-271. Оп. 1. Д. 14. Л. 121.

Особенности соблюдения прав человека в арабском мире

Аль-Бусаиди Яхья Якуб Саид,
аспирант кафедры теории и истории государства и права
Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова
durrtsy@mail.ru

В статье рассматривается ситуация с правами человека в странах арабского региона, причины плачевного состояния прав и свобод человека, подходы исламских светских сил, а также арабских правительств к важным аспектам данной проблемы. Изучаются недостатки региональных арабских документов по защите прав человека. Особое внимание уделяется деятельности Лиги арабских государств и других организаций по улучшению ситуации по данному вопросу.

Ключевые слова: права человека, хартия, нарушение, особенности, «арабская весна», шариат.

Specifics of Human Rights Observance in the Arabian World

Al-Busaidi Yakhya Yakub Said,
Postgraduate Student of the State and Law Theory
and History Department at I.N. Ulyanov Chuvash State University

The article deals with the situation of human rights in the Arab region, the reasons for the miserable state of human rights and freedoms, approaches of Islamic and secular forces as well as Arab governments to the important aspects of the problem. The disadvantages of the Arab regional protection of human rights documents are under consideration. Particular attention is paid to the activities of the Arab League and other organizations to improve the situation on this issue.

Key words: human rights, charter, infringement, characteristics, "Arab Spring", Sharia Islamic law.

Арабскому миру далеко не чужда идея прав человека. С одной стороны, идея прав человека была своеобразным лейтмотивом событий «арабской весны» и в Тунисе, и в Египте, и в других арабских странах. С другой стороны, сегодня в большинстве стран региона более интенсивно, чем когда-либо, ведутся дискуссии по проблеме прав человека, но не только это: многие организации и отдельные лица с разной идеологией выступают за расширение прав человека, поэтому эта ценность постепенно начинает входить в культуру этих стран.

Политический ландшафт ряда государств Арабского Востока в 2011–2014 гг. серьезно изменился. В одних странах активизация социально-политической жизни привела к свержению авторитарных режимов (Тунис, Египет, Йемен); в других — к гражданской войне, в которой поддержку вооруженной оппозиции оказали иностранные государства (Ливия, Сирия). Особняком стоит Марокко, где протестовавшие добились изменения конституции в сторону ограничения полномочий короля. В Бахрейне, Иордании, Кувейте власти пошли на уступки оппозиции, но масштаб и характер этих уступок не удовлетворили протестующих, что привело

к затягиванию политического кризиса. В Алжире, Судане, Палестине, Ираке, монархических государствах Аравийского полуострова имевшие место эпизодические антиправительственные выступления в силу разных причин не породили значительных изменений. Общим для стран, переживших крупные потрясения, стало укрепление позиций умеренных и радикальных сторонников политического ислама¹.

Несмотря на все это было бы явной ошибкой считать, что права человека чужды арабам. Они пока что еще не стали общепризнанными ценностями лишь в очень медленно модернизирующихся патриархальных обществах традиционных аравийских монархий, в которых преобладают племенной патриотизм и культ наследственных правителей — теократов. На фоне отсутствия сформированной политической среды (в большинстве стран Совета сотрудничества Персидского залива нет политических пар-

¹ Демченко А. Египет на пути к трансформации политической системы [Электронный ресурс]. Портал «Перспективы». URL: http://www.perspektivy.info/srez/val/jegipet_na_puti_k_transformacii_politicheskoy_sistemy_2013-01-29.htm

тий, профсоюзов и гражданского общества) усиление влияния активистов представляется весьма затруднительным. Подтолкнуть власти к реформам могут женщины и молодежь, а также множество иностранцев, которые составляют значительную часть населения этих государств и играют жизненно важную роль для работы их экономики.

В остальных арабских странах, несмотря на колоссальный объем социально-экономических и политических проблем, с которыми сталкивается население, процессы обновления несомненны. И весь вопрос заключается в том, кто их возьмет под контроль. Социально-политическая и идеологическая борьба начинает все сильнее раздирать арабское общество в начале XXI века. Эту ситуацию обостряет, причем решающим образом, вмешательство извне в сложную сеть конфликтов, противоречий и противостояний различных сил арабского мира.

Так, во многих государствах региона у многих слоев населения, в частности у молодежи и женщин, накопилось реальное недовольство. Бедность, дискриминация женщин, дистанция между авторитарным режимом и молодежью (75% населения в регионе меньше 25 лет), пропасть между богатыми и бедными, преследование политических активистов, пытки в тюрьмах, необоснованные тюремные заключения, нарушение прав иностранных рабочих, цензура, отсутствие свободы слова и многое другое — все эти факторы существенно подрывают устойчивость стран. И некоторые режимы, вероятно, не смогут ее пережить².

Конечно, арабское общество всегда отличалось весьма контрастной поляризацией и ярко выраженными формами социального неравенства. И практически во все исторические эпохи это вызывало бунты, восстания, острые конфликты и столкновения привилегированных групп с широкими массами эксплуатируемых и неимущих бедняков. При этом социальная и политическая борьба была тесно связана с религией, обосновывалась ею, осмыслялась в рамках религии. В исламе всегда считалась справедливой борьба против правящих «плохих мусульман», т.е. нарушающих предписания Корана и шариата (найти такие нарушения всегда было нетрудно).

² Мехди Лазар. Неприглядное лицо арабских союзников Запада [Электронный ресурс]. Сайт иноСМИ. URL: <http://inosmi.ru/world/20140930/223325636.html>

Здесь возникают очень важные вопросы: если так много людей в арабских странах стремятся добиться больших свобод и мужественно выступают за это, почему соблюдение прав человека находится в столь плачевном состоянии? Стоит ли искать причины в политических и социальных отклонениях, или же этот факт тоже как-то связан с «исламом»?

Прежде чем отвечать на эти вопросы, для начала нужно определить, что в каждом случае понимается под «правами человека»: и если западное понимание прав человека основано на содержании «Всеобщей декларации прав человека» 1948 года, в исламской культуре тон задают такие документы, как «Каирская декларация прав человека». Каирская декларация была подписана 4 августа 1990 года 45 министрами иностранных дел из 57 государств — членов «Организации исламского сотрудничества» (ОИК). ОИК была основана 25 сентября 1969 года в Рабате. Организация провозгласила шариат единственным основанием для определения прав человека. В своих 25 статьях декларация разъясняет права женщин, меньшинств и всеобщие права человека, которые, однако, предоставляются лишь в той мере, в которой они соответствуют шариату (статья 25). К примеру, там сказано, что женщина «имеет такое же достоинство, как и мужчина» (статья 6), но, судя по всему, не те же права. В статье 2А право на жизнь тоже ограничивается шариатом: «запрещено отнимать жизнь другого человека, если только этого не потребует Шариат» — как, к примеру, в случае с прелюбодеянием или отступничеством³.

Исламские правоведы настаивают на невозможности принятия странами, исповедующими ислам, не только концепции естественного права (идеологической базы универсальной концепции прав человека), которая, на их взгляд, является продуктом интерпретации западных ценностей, но и определенных так называемых «международных стандартов» в сфере прав человека⁴.

Данная позиция представителей ислама в значительной степени оказывает влияние

³ Права человека и ислам [Электронный ресурс]. Сайт «Новости из Израиля и Ближнего Востока». URL: <http://www.israelreport.ru/context/6944/prava-cheloveka-i-islam>

⁴ См., напр.: ат-Турки А.-А. Ислам и права человека, пер. В.(А.) Нирша, Офис по содействию в призыве и просвещении этнических меньшинств в районе Рабва — Эр-Рияд, 2008 г.

на ситуацию с правами человека в регионах его традиционного распространения.

Исламская концепция прав человека основывается на исламской вере и носит божественный характер. Она направлена к мусульманам во всем мире. Универсальность права и свобод человека в исламе касается только мусульман, вне зависимости от государства, в котором они находятся, его формы правления и политического режима. Исламская концепция прав человека на сегодняшний день оказывает влияние на уважение и соблюдение прав и свобод человека в исламских и арабских государствах. Ее сторонники утверждают, что исламские источники способны обеспечить эффективную защиту прав и свобод человека, а следовательно, нет необходимости опираться на международные стандарты в этой области.

При этом под эгидой Лиги арабских государств были сделаны попытки принятия межарабского соглашения по правам человека, но, к сожалению, данные попытки потерпели неудачу. Причина этого заключается в том, что часть арабских государств заняли четкую позицию, будучи убежденными в том, что принцип исламской концепции — Шариат является единственным законоположением, на которое следует ориентироваться в вопросе определения прав человека. Эти страны подтвердили, что, на их взгляд, история прав человека — это не только история Запада и не только сочинения и труды Руссо, Монтескье и деятелей американской и французской революций, это также история древней цивилизации Востока и Аравийского полуострова, начиная со времени зарождения ислама. С другой стороны, широко распространено и иное мнение, согласно которому следует рассматривать права человека в международном масштабе. При этом принимать во внимание восприятие другими цивилизациями прав человека как с философской, так и с исторической точки зрения, то есть объединить арабскую и международную специфику применительно к правам человека.

Несмотря на различные подходы арабских стран к правам человека, Лига арабских государств сумела подготовить Арабскую Хартию прав человека. Первая версия была принята в 1994 году, вторая версия была принята в 2004 году. Хартия была подвергнута значительной критике как со стороны международного сообщества, так и со стороны исламского мира⁵.

⁵ Arab Charter on Human Rights 2004 // URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Arab_Charter_on_Human_Rights

Для вступления в силу она нуждалась в ратификации семью членами Лиги. Этот процесс сильно затянулся, однако в 2008 году Хартия все же вступила в силу, после ратификации первыми семью государствами. К 2015 году Хартия ратифицирована: Иорданией, Бахрейном, Ливией, Алжиром, ОАЭ, Палестиной, Йеменом, Сирией, Катаром и Саудовской Аравией⁶.

Анализируя правовое содержание данной Хартии, мы пришли к следующим выводам.

Арабская Хартия прав человека содержит, с одной стороны, принципы, закрепленные в Уставе ООН, основные положения Всеобщей Декларации прав человека и Пактов о правах человека, а с другой стороны, содержит положения исламской концепции прав и свобод человека. Таким образом государства — члены ААГА пытаются совместить современную концепцию прав человека с исламской концепцией прав человека.

Недостаток данной Хартии в том, что она не содержит правового механизма защиты прав и свобод человека, как это предусматривается в Пакте о гражданских и политических правах и в других универсальных, а также региональных соглашениях по правам человека.

Отсутствие правового механизма, который бы рассматривал индивидуальные жалобы отдельных лиц, ежегодные доклады государств — членов ААГА, жалобы одного государства-члена на другое; контролировал соблюдение прав человека на их территориях, — на наш взгляд, данный механизм должен быть реализован путем создания комиссии по рассмотрению жалоб и арабского суда по правам человека, решения которых были бы обязательными для исполнения всеми государствами-участниками.

Исламские правоведы настаивают на невозможности принятия странами, исповедующими ислам, не только концепции естественного права (идеологической базы универсальной концепции прав человека), которая, на их взгляд, является продуктом интерпретации западных ценностей, но и определенных так называемых «международных стандартов» в сфере прав человека⁷.

⁶ Malcolm N. Shaw's International Law 6th edn. CUP 2010. P. 365–366.

⁷ См., напр.: Ат-Турки А.-А. Ислам и права человека, пер. В. (А.) Нирша. Офис по содействию в призыве и просвещении этнических меньшинств в районе Рабва — Эр-Рияд, 2008 г.

Данная позиция представителей ислама в значительной степени оказывает влияние на ситуацию с правами человека в регионах его традиционного распространения.

В целях изменения такого положения дел, поиска новых путей решения старых проблем мировое сообщество с самого начала XXI века уделяет пристальное внимание межкультурному диалогу в сфере прав человека. В частности, 2001 год был провозглашен годом диалога между цивилизациями под эгидой ООН⁸. Этот диалог не представляется возможным без обоюдного изучения и уважения концепций, присущих разным цивилизационным традициям.

В 2006 году в столице Катара Дохе состоялась первая Конференция арабских стран по правам человека. По результатам конференции ее участниками было подписано коммюнике, которое было представлено для обсуждения и утверждения на ассамблее Лиги арабских стран.

Коммюнике первой Конференции арабских стран по правам человека содержит призывы к внесению поправок в законодательные кодексы арабских государств, соответствующие международным правовым нормам и резолюциям по правам человека, принятым в ООН.

Учитывая принципиальное несоответствие традиционных мусульманских законов понятиям прав человека, принятым в западном мире и в ООН, вряд ли коммюнике первой Конференции арабских стран по правам

человека может быть одобрено Лигой арабских стран.

Литература

1. Аль-Али Насер Абдель Рахим. Универсализм и исламская концепция прав и свобод человека: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. М., 1999. 187 с.
2. Ат-Турки А. Ислам и права человека: взгляд Саудовской Аравии [Электронный ресурс]. Российский правовой портал: библиотека Пашкова. URL: <http://constitutions.ru/archives/4036>
3. Демченко А. Египет на пути к трансформации политической системы [Электронный ресурс]. Портал «Перспективы». URL: http://www.perspektivy.info/srez/val/jegipet_na_puti_k_transformacii_politicheskoy_sistemy_2013-01-29.htm
4. Косач А.Г. Новый отчет о правах человека в Саудовской Аравии [Электронный ресурс]. Сайт института Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=8372>
5. Мехди Лазар. Неприглядное лицо арабских союзников Запада [Электронный ресурс]. Сайт иноСМИ. URL: <http://inosmi.ru/world/20140930/223325636.html>
6. Права человека и ислам [Электронный ресурс]. Сайт «Новости из Израиля и Ближнего Востока». URL: <http://www.israelreport.ru/context/6944/prava-cheloveka-i-islam>
7. MIDDLE EAST: Arab Charter on Human Rights enters into force — Asian Human Rights Commission
8. Amnesty international 2012. Права человека в современном мире. URL: amnesty.org.ru/system/files/AI_Report_Rus_2012.pdf
9. Amnesty International / Amnesty International Report 2013. URL: firstthoughts.org/on/AmnestyInternational/12Nov20142325. New report by Amnesty Intern

⁸ Resolution adopted by the General Assembly 56/6. Global Agenda for Dialogue among Civilizations, Fifty-sixth session, A/RES/56/6.

Миф и реальность: правовое регулирование материального обеспечения жителей в древнерусском государстве и Руси в период удельной раздробленности

*Якушев Вадим Александрович,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Сибирского юридического института Федеральной службы
по контролю за оборотом наркотиков «ФСКН» России,
кандидат юридических наук
yakushev_vadim@mail.ru*

В статье анализируются взгляды на становление и развитие материального обеспечения со стороны государства и его институтов, в частности рассмотрены точки зрения на систему кормления, международно-гуманитарную помощь со стороны иностранных государств, правовую защиту высшего сословия и церковно-правовую помощь населению.

Ключевые слова: Древнерусское государство, Византия, материальное обеспечение, кормление, церковь, международная гуманитарная помощь.

Myth and Reality: Legal Regulation of Material Security of Inhabitants in the Old Russian State and Russia during the Apanage Disunity Period

*Yakushev Vadim A.,
Assistant Professor of the State Law Disciplines Department
at the Siberian Law Institute of the Federal Drug Control Service (FDCS) of Russia,
Candidate of Legal Sciences*

The article analyzes the views of the formation and development of the material security of the state and its institutions, in particular considers the points of view on the feeding system, international humanitarian assistance from foreign countries, the legal protection of the upper class and church-legal assistance to the population.

Key words: Old Russian state, Byzantium, material provision, feeding, church, International humanitarian aid.

Достойный уровень качества и содержания жизни каждого человека оказывает прямое воздействие на нормальное функционирование общества в целом. Государство, в определенной степени, принимает на себя ответственность за наступление неблагоприятных последствий для жизни и деятельности индивида, оказывая ему (человеку. — В.Я.) в различных формах материальную помощь.

Нравственное влияние на народ и общество в Древнерусском государстве первоначально связывалось с язычеством, а в дальнейшем — с православием, привнесенным из Византии. Помимо этого, епископ Бамбергский отмечал, что «честность и товарищество среди славян таковы, что они, совершенно не зная ни кражи, ни обмана, не запирают своих сундуков и ящиков», что обуславливалось

добродушием славян к чужестранцам и преследовало самую простую цель — быть гостеприимными хозяевами. Это отражено в работах ученых-историков: Н.М. Карамзина, В.О. Ключевского, Н.И. Костомарова, В.Н. Сергеевича, С.М. Соловьева, М.Н. Покровского, С.В. Юшкова¹.

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. М.: Изд-во «Эксмо», 2003. 1024 с.; Кузьмин К.В., Сутырин Б.А. История социальной работы за рубежом и в России (с древности и до начала XX века): учебное пособие. М.: Академический Проект; Трикта, 2006. 4 изд., доп. и испр. 624 с. («Gaudeamus»); Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. Книга I. Минск: Харвест, 2007. 592 с.; Костомаров Н.И. История России. Полный

Особенностями этого дружелюбного отношения к иностранцам являлось: а) установление коммуникаций с представителями иностранных государств для общения и обмена информацией; б) наказание лиц, которые за причинение вреда иностранцам несли наказание, предусмотренное международными договорами, заключенными между Русью и Византией²; в) проявление уважения к тем лицам, которые, рискуя жизнью, несмотря на экономические, политические, географические условия, связанные с опасностью на маршруте следования, преодолевали значительные расстояния между государствами, осуществляя товарообмен³; г) уважение иностранного гостя — представителя иного народа, которого оберегают высшие силы. Его оскорбление, да еще и в доме хозяина, где он остановился, было сопоставимо с оскорблением домашнего духа, который защищал дом; д) имидж славян, формировавшийся в результате общественных отношений «гость — хозяин», формировал положительное мнение о славянах как о составной части мирового сообщества.

Памятники Русского права наглядно демонстрируют, что для осуществления заботы о своих подданных в государстве казна должна была иметь положительный баланс. Для ее формирования использовались различные средства. Так, казна пополнялась за счет налогов, повинностей, таможенных, торговых и судебных пошлин, сборов, вир, экстренных сборов, а главные поступления в казну обеспечивали сельские жители «ибо плодами их мирного трудолюбия питалось государство и казна обогащалась»⁴.

курс в одной книге / Н.И. Костомаров. М. : АСТ, Астрель-СПб., ВКТ, 2011. 508 с. («Историческая библиотека»); Сергеевич В.И. Древности русского права: в 3 т. / В.И. Сергеевич; вст. ст. Ю.И. Семенова. М. : Государственная публичная историческая б-ка России. М., 2007; Покровский М.Н. Русская история. В 3 т. Т. I / Михаил Покровский. М. : АСТ, 2005. 344 с. («Историческая библиотека»); Юшков С.В. Памятники Русского права. Первый выпуск. М. : Государственное издательство юридической литературы, 1952.

² Юшков С.В. Указ соч. С. 7–69.

³ Так, по данным В.О. Ключевского в период с 1228 по 1462 г. Северная Русь перенесла 90 внутренних междоусобных войн и до 160 внешних войн при частых неурожаях, поветриях и неисчислимых пожарах.

⁴ Карамзин Н.М. Указ. соч. С. 273, 336; Мартышин О.В. Вольный город. Общественно-политический строй и право феодальной

Забота князя о своих подчиненных в дохристианском (по другим источникам — филантропическом) периоде⁵, а позже на христианском этапе Древнерусского государства реализовывалась за счет: а) выкупов пленных за счет казны⁶; б) освобождения захваченных у врага территорий и пленных; в) найма иностранных и русских воинов для ведения войны, с выплатой им денежных сумм⁷. Первые сведения об этом встречаются в источниках права только к концу первого тысячелетия нашей эры, что мы связываем с крещением Руси (988 г.).

Необходимо отметить, что боевой дух войска подкреплялся денежными средствами. Для удовлетворения своих нужд князь мог получить только часть добытого в войне имущества, уступая половину своей дружине. Поэтому на войне права князей на добытое имущество ограничивались корыстью его воинов. Так, Олег (879–912) и Игорь (912–945) брали дань с греков на каждого из своих ратников, включая убитых, для передачи этих средств их родственникам⁸.

Помимо этого, анализируя договоры между Русью и Византией⁹, можно отметить, что забота о родственниках убитых воинов была закреплена в данных актах права. При походе Святослава (945 – 972) на Царьград в боях гибли воины. Поэтому при получении дани с греков часть денежных средств передавалась на содержание родственников убитых воинов: «Возьмет-де за убитого род его».

Таким образом, можно предположить, что во времена Олега, Игоря и Святослава обеспечение родственников погибших воинов осуществлялось за счет получения дани с захваченных территорий, что могло послужить прообразом компенсации, связанной с потерей кормильца и отсутствием у близких родственников возможности обеспечить себя материально.

республики. М. : Российское право, 1992. С. 108, 260.

⁵ Кузьмин К.В., Сутырин Б.А. Указ. соч. С. 20.

⁶ Юшков С.В. Указ. соч. С. 7–69.

⁷ Ярослав Владимирович Галицкий (скончался 1187 г.) проводил успешную государственную как внешнюю, так и внутреннюю политику за счет успешной торговли, в частности в 1173 г. нанял польское войско за 3000 гривен.

⁸ Карамзин Н.М. Указ. соч. С. 83.

⁹ Изборник. Повести древней Руси. М. : Художественная литература, 1986. С. 36; Карамзин Н.М. Указ. соч. С. 65.

Следующими не менее важными элементами международного правового аспекта материального обеспечения на Руси в период удельной или политической раздробленности стали договоры от 1228 г. между Смоленском, с одной стороны, и Ригию, Готским берегом (Готландией) и немецкими городами, «ходящими по Восточному морю», с другой стороны¹⁰. Эти международные акты устанавливали размер платы за причинение телесных повреждений как вольным людям, холопам, так и иностранцам. Размер компенсации (оплаты) зависел от степени тяжести причиненного телесного повреждения, а главное — правового статуса лица, получившего повреждение. Размер полагавшейся выплаты для иностранцев возмещался двойной пеней, что свидетельствует об их более высоком правовом положении и, соответственно, лучшей «социальной защищенности» в сравнении с жителями Руси.

Не только торговля оказывала влияние на взаимоотношения между людьми, но и бедствия. Так, неурожай зерновых, породивший голод в Новгороде, нашел отклик у иностранцев в части оказания гуманитарной помощи со стороны немецких городов. Так, в 1231 г. «Новгород уже кончался»¹¹, однако помощь иностранных купцов предотвратила гибель новгородцев. Немцы проявили человеколюбие, доставив хлеб голодающим жителям Новгорода, что сохранило им жизни. С чем был связан этот жест доброй воли? Может, с возможностью в будущем осуществлять беспошлинную торговлю в Новгороде, а может, действительно немцами двигало чувство милосердия?

Другим аспектом, на котором хочется остановиться, является система кормления. Поскольку князья во всех случаях оказания помощи неимущим классам действовали как частные лица, публичная составляющая такой заботы была невелика, а массовое нищество постоянно осложняло социальные отношения и ухудшало криминогенную ситуацию. Так, обеспечение дружины осуществлялось за счет местного населения: «Разведите дружину мою по городам на покорм»¹².

Следует отметить, что как сами князья, так и их родственники оставшееся после их смерти имущество могли передавать монастырям, церквям, темницам, богадельням, священникам и бедным. Яркими примерами таких по-

ступков были Владимир-Иоанн Василькович¹³ и Иоанн I Калита¹⁴.

Местными органами управления были посадники (наместники) в городах и волостели в сельской местности. Они собирали дань, пошлины, судили, устанавливали и взимали штрафы. Часть собранного с населения они оставляли себе. Размер «корма» определялся в грамотах князьями. Эта система управления называлась системой кормления, она была как в натуральном выражении (питание), так и в денежном эквиваленте.

Таким образом, в Древнерусском государстве и Руси система кормления существовала в следующих формах:

а) «варяги имели возможность наниматься за хороший корм, оберегая русские торговые пути»¹⁵, совместно с вооруженными купцами входя в их состав, создавая торговые товарищества. Помимо этого, в 902, 936, 949 гг. русские дружины участвовали в военных действиях на стороне Византии, за это им платили золотом¹⁶;

б) варяги, получая за свои услуги «корм», желали кормиться слишком «сытно». Однако в Новгороде от их «желаний» был поднят бунт, который ими и был подавлен, что позволило варягам стать властителями Новгорода, а свое жалование превратить «в обязательную дань с возвышением оклада»¹⁷;

в) в 907 г. по договору с Византией Олег (879–912) потребовал «уклады» на русские города Киев, Чернигов, Переяславль, Полоцк, Ростов и Любеч и др. Помимо этого во время пребывания в Византии торговые послы получали посольские оклады, а купцы получали месячину, месячный корм, раздававшийся по старшинству русских городов. Сначала киевским, потом черниговским, переяславским и т.д.;

д) в 1016 г. после победы Ярослава при помощи новгородцев над Святополком воины удостаивались денежной награды, «нача вое свое делити: старостам по 10 гривен, а смердам по гривне, а новгородцам по 10 всем; и отпusti я домов вся»¹⁸;

¹³ В народе за ученый склад ума названный Философом.

¹⁴ Иоанн I Калита — от мешочка, или калиты, наполненной деньгами для бедных; отчего и прозван Калитою.

¹⁵ Ключевский В.О. Указ. соч. С. 126.

¹⁶ Юшков С.В. Указ. соч. С. 21. Греческая литра (72 золотника) — золотник — мера веса, равная 4,265 г.

¹⁷ Ключевский В.О. Указ. соч. С. 132.

¹⁸ Мартышин О.В. Указ. соч. С. 130.

¹⁰ Там же. С. 242.

¹¹ Карамзин Н.М. Указ. соч. С. 257.

¹² Изборник. Повести древней Руси. С. 53.

е) выдача «немалых ссуд», связанных со строительством новых городов в Суздальской земле;

ж) наделение земель;

з) поземельный налог — поралье¹⁹;

и) кормы и доводы, т.е. предоставление служащим доходных административных и судебных должностей по договорным грамотам князей;

к) покон вирный, определял размеры денежных отчислений иorma (пищевого довольствия), шедших княжеским «мужам», при взимании с территории определенной общины виры (штрафа), собираемого в пользу князя. Аналогичные отчисления платились княжеским судебным-административным чиновникам при сборе других судебных штрафов и податей;

л) обязательство о плате черной (народной) дани, виры или судной пени;

м) кормление в отчину и в дедицу, с правом передачи его потомкам;

н) задабривание дарами бояр, а также представителей православной церкви²⁰.

Таким образом, система кормления свидетельствует о ее многообразных типах, как закрепляемых в правовых актах (грамоты, уставы князей), так и в иных социальных регуляторах (обычаи, обряды, ритуалы и т.д.).

Третьим аспектом, раскрывающим общественные отношения между людьми в Древнерусском государстве и на Руси в период удельной раздробленности, являлась правовая защита (за причиненный ущерб), заключавшаяся в следующем:

а) защита господствующего класса. В случае причинения его представителям вреда накладывался штраф (двойная вира, вира или полувира), который поступал в доход князя;

б) денежные взыскания в пользу потерпевшего, с дополнительной выплатой средств на лечение раны и вознаграждение лекаря за помощь;

в) княгини-вдовы (жены) получали от князей (завещателей (мужей)) владения тремя путями:

— опричины, т.е. владения, принадлежавшие им;

— прожитки, которыми они пользовались «до живота своего» (пожизненно). Постоянное участие княгинь-вдов в наследовании по завещанию являлось юридически обязательным элементом удельного княжеского владения как частной собственности владельца;

¹⁹ Рало — плуг.

²⁰ Мартышин О.В. Указ. соч. С. 110, 136.

— «наделок» — обеспечение на остаток дней, под ним понимались двор, села, деньги и т.д.;

г) развитие аппарата государства требовало строгой регламентации законом вознаграждения представителям государственной власти за осуществление их функций. Закон определял размер платы за выполнение судебных функций, которая полагалась княжеским чиновникам;

д) развитие судебного аппарата Древнерусского государства и Руси связывалось с судебными пошлинами, которые полагались как стороне, выигравшей процесс, так и судье.

Таким образом, приоритет в обеспечении материальным вознаграждением отдавался имущим слоям населения. Неимущие слои обеспечивались только за счет частных пожертвований этого же господствующего класса.

После крещения Руси (988 г.) со стороны церкви приоритетом становятся гуманные идеи, которые помогали определять нравственное состояние общества не по субъективным впечатлениям, не по отзывам современников, а по степени согласия разнородных интересов, в нем обеспечиваемых.

В 996 г. Владимир Святой (980 – 1014) назначил на содержание соборной Десятинной церкви десятую часть своих доходов, что закреплялось в утвержденном им церковном уставе. Это послужило материальной основой оказания церковью благотворительной помощи неимущим, больным и т.д. Закреплялась церковная обязанность по оказанию благотворительной помощи нуждающимся.

Церковный устав Владимира определял положение церкви, включая ее устройство, соблюдение семейного, религиозного и нравственного порядка. Помимо этого, под особое попечение церкви попали так называемые богадельные (церковные) люди, которые подразделялись: а) на белое и черное духовенство; б) на мирян, служивших церкви или удовлетворяющих разные ее мирские нужды (врачи, повивальные бабки, просвири, задушные люди и прикладни²¹); в) на бесприютных и убогих,

²¹ Рабы, отпущенные на волю по духовному завещанию или завещанные церкви на помин души и селившиеся обыкновенно на церковных землях под именем изгоев в качестве полусвободных крестьян. Позднее, согласно Церковному уставу князя Всеволода, выделяли четыре вида изгоев: а) сын попа, не обучившийся грамоте; б) обанкротившийся купец; в) холоп, выкупившийся на волю; г) князь, преждевременно осиротевший.

призреваемых церковью (странники, нищие, слепые и не способные к работе (инвалиды)).

В подчинении церкви находились духовные и благотворительные учреждения, в состав которых входили: монастыри, больницы, странноприимные дома, богадельни. Однако следует отметить, что весь этот разнообразный состав церковного ведомства определен в уставе Владимира лишь общими признаками, даже намеками; церковные дела и люди обозначены краткими и сухими перечнями.

К 1091 г. учреждена первая больница по инициативе киевского митрополита Ефрема, где бедным предоставлялось бесплатное лечение. Ярослав Мудрый (1019 – 1054) в Новгороде «завел первое народное училище, где 300 отроков, дети пресвитеров и старейшин, приобретали сведения, нужные для священного сана и гражданских чиновников»²². Таким образом, Ярославу впервые удалось учредить сиротское училище, начальные школы при монастырях.

Немаловажным фактом деятельности церкви являлась забота об умерших в результате нехватки продовольствия (голода), включая и их погребение. Так, в Новгороде в 1230 г. «человеколюбивый муж Станил» похоронил 3030 человек, а в общем было захоронено 42 000 умерших. Похожая ситуация повторилась в 1352 г. в Пскове и Новгороде, где осталась лишь 1/3 жителей, в 1364–1366 гг. в Москве, Ростове и Твери, в 1387 г. в Смоленске. При этом великодушные проявляли не только представители церкви, но и простые обыватели, которые носили умерших для отпевания в церкви, священнослужители служили панихиды, передавали свое богатство церкви, кормили, одевали нищих и другими благими делами помогали нуждающимся²³.

Помимо этого между 994 и 996 гг., во время правления Владимира, после нападения печенегов «убогие» города получили из казны 300 гривен. Владимир был истинным отцом бедных, которые всегда могли придти на его двор и утолять там голод и получать на пропитание деньги. Больные и убогие, которые «не в силах дойти до палат моих получали на улице хлеб, мясо, рыбу, овощи, мед и квас»²⁴. Таким образом, Владимир являл свою добродетель и милосердие в свете христианского учения, которое необходимо было для государственной пользы. Андрей Боголюбский (1169 – 1174) был верующим человеком, который на свои средства ежедневно организовывал

развоз по городу еды и питья, для обеспечения больных и нищих²⁵, а также с усердием относился к церквам и монастырям. Такому же эпитетам был награжден Ярослав II (1238–1247), который украшал церкви, питал бедных, ободрял народ, ревностно занимался делами гражданскими и приобретал любовь общую правосудием²⁶.

Таким образом, в Древнерусском государстве и на Руси в период удельной раздробленности возникает особый вид церковно-государственного типа призрения (благотворительности), особенностью которого является равное участие и церкви, и государства в делах заботы о нуждающихся лицах.

В заключение следует отметить, что в Древнерусском государстве и на Руси в период удельной раздробленности содержание лиц, требующих материального содействия, осуществлялось по следующим основным направлениям: кормления (за службу), правовые формы (за причиненный ущерб) и призрения (благотворительности) — помощь в тяжелых условиях. Для призрения были характерны два аспекта. Внутренний был связан с деятельностью представителей православной церкви, а внешний — с благотворительностью, оказываемой жителями иностранных государств. Субъектами благотворительности выступали в первую очередь церковь, реже князья в качестве частных лиц, как исключение — иностранцы. В целом системы государственной материальной помощи нуждающимся не было, ее заменяла благотворительность указанных субъектов.

Литература

1. Карамзин Н.М. История государства Российского / Н.М. Карамзин. М. : Изд-во «Эксмо», 2003. 1024 с.
2. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. Книга I / В.О. Ключевский. Минск : Харвест, 2007. 592 с.
3. Костомаров Н.И. История России. Полный курс в одной книге / Н.И. Костомаров. М. : АСТ, Астрель-СПб., ВКТ, 2011. 508 с. («Историческая библиотека»).
4. Кузьмин К.В., Сутырин Б.А. История социальной работы за рубежом и в России (с древности и до начала XX века) : учебное пособие / К.В. Кузьмин, Б.А. Сутырин. М. : Академический Проект : «Трикта», 2006. 4 изд., доп. и испр. 624 с. («Gaudeamus»).

²² Карамзин Н.М. Указ. соч. С. 100.

²³ Там же С. 255.

²⁴ Там же С. 81.

²⁵ Там же С. 72.

²⁶ Там же С. 269.

5. Мартышин О.В. Вольный город. Общественно-политический строй и право феодальной республики / О.В. Мартышин. М. : Российское право, 1992. С. 108, 260.
6. Покровский М.Н. Русская история. В III т. Т. I / М.Н. Покровский. М. : АСТ, 2005. 344 [8] с. («Историческая библиотека»).
7. Сергеевич В.И. Древности русского права: в III т. / В.И. Сергеевич; вст. ст. Ю.И. Семенова. М. : Государственная публичная историческая б-ка России, 2007.
8. Юшков С.В. Памятники Русского права. Первый выпуск / С.В. Юшков. М. : Государственное издательство юридической литературы, 1952.